

герой Вселенной

ДМИТРИЙ КРУЖЕВСКИЙ

РЕКОНСТРУКТОР

Дмитрий Кружевский
Реконструктор

«ЭКСМО»

2012

Кружевский Д. С.

Реконструктор / Д. С. Кружевский — «Эксмо», 2012

Сергей Ратный – обыкновенный инженер-реконструктор в России XXVI века. Место работы – космос. В результате кораблекрушения Сергей оказывается на планете, где уровень технологий не превышает того, что был на Земле в начале XX столетия. Примитивные автомобили, дредноуты и прочие аэростаты... Правда, это не мешает аборигенам вести кровопролитную войну. Руссарская империя противостоит могущественной Ястании, и Сергея поначалу даже принимают за шпиона. Если бы не вмешательство Зельды, женщины, потерявшей на этой войне сына, Ратному суждено было бы окончить жизнь в местном застенке. Но все обернулось иначе. Сергей становится Сергом, «сыном Зельды», и принимается за строительство первых в истории этой планеты аппаратов тяжелее воздуха. Ведь только аэропланы могут противостоять сокрушительной мощи вражеских дирижаблей. Сражение за господство в воздухе Руссарской империи начинается...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дмитрий Кружевский

Реконструктор

Пролог

Император Руссарии был молод. По мнению некоторых членов правительства, даже слишком молод – ему едва за тридцать. К тому же, по мнению большинства министров, он слишком страстно увлечен техническими диковинками, что недопустимо. Его растраты из небогатого бюджета страны, идущие на спонсирование разработок «всяких проходимцев», постоянно вызывали недовольство тех, кто этот бюджет рассчитывал.

– Проходимцев... – Император ухмыльнулся и, покачав головой, кинул на стол папку с отчетом испытательной комиссии, после чего с хрустом потянулся. – Что ж, возможно, они не так уж не правы...

Поднявшись из удобного кресла, обитого дорогим красным бархатом, он подошел к окну и несколько минут рассеянно смотрел на пустынную придворцовую площадь.

– Может, они и правы, – повторил император. – Но что же делать?

Он прижался лбом к стеклу, чувствуя, как прохлада несколько остужает разгоряченный бессонницей мозг, думая, что слишком многое свалилось на него за последние годы. Еще каких-то шесть лет назад он был обычным каплеем на Северном флоте, а теперь – властитель страны, разоренной последней войной, некогда великой. Голод, разруха, неподчинение окраин центру, разгул бандитизма – вот лишь малый перечень того, что оставил ему в наследство безвременно умерший отец. Сейчас даже и не подумаешь, что каких-то десять-пятнадцать лет назад Руссария считалась одной из величайших держав Ендорского континента и вступила в войну с Геранией на пике своего могущества, исполняя союзнический долг по отношению к странам Артанской коалиции. Война ожидалась не особо затяжной, ибо, по всем разведанным, армия Герании находилась в довольно плачевном состоянии, однако на деле все оказалось не так... совсем не так. Император тяжело вздохнул.

На самом деле их войска встретились с прекрасно оснащенным противником, который к тому же обладал передовым вооружением далеко не в единичных экземплярах, в отличие от армии Руссарии. Взять, к примеру, те же танки. На начало войны у Руссарии их было всего около двадцати штук, и они являлись гордостью инженерной мысли империи. Лично он никогда не забудет, как впервые увидел эти угловатые громадины величиной с двухэтажный дом, медленно ползущие вдоль трибуны, на которой его отец принимал парад. Тогда при виде этих стальных монстров его охватил просто-таки дикий восторг вперемешку с огромной гордостью – гордостью за свою страну, ее мощь и силу.

Увы, у Герании танков оказалось в десять раз больше.

Первая же серьезная битва показала превосходство армии противника над войсками союзников и была выиграна лишь благодаря какому-то чуду и героизму руссарских солдат. К сожалению, это была лишь одна победа, за которой последовала череда серьезных поражений. Мало того, Артанская коалиция принялась разваливаться, подобно карточному домику, а некоторые ее члены даже присоединились к Герании, обратив свое оружие против бывших союзников. Пять лет... пять лет кровопролитнейшей войны, финалом которой стал позорнейший мир, заключенный на условиях победителя, по которому страна теряла около пятнадцати процентов своих территорий. Это настолько подкосило здоровье отца, что через пару лет после ее завершения он скончался, оставив сыну полуразрушенную страну.

Молодой император провел пальцем по стеклу, запотевшему от его дыхания, затем вернулся к столу. Достав из резной шкатулки дорогую гайтонскую арому, он пару минут мял ее

в пальцах, рассеянно оглядывая заваленный папками и чертежами стол. Откусив ее кончик и выплюнув его в урну, он щелкнул зажигалкой и затянулся ароматным дымом.

Конечно, все это ерунда, и тут его министры правы, но есть надежда, что среди фантастических проектов найдется хоть один, который послужит на благо страны. А страну надо восстанавливать – восстанавливать и собирать в кулак. Ну а для этого прежде всего надо привести в порядок практически деморализованную армию, восстановить ее боеспособность и вооружить новейшим оружием. К тому же необходимо учитывать, что война может в любое время вспыхнуть вновь. Он, в отличие от некоторых своих министров, не строил иллюзий насчет мира с Геранией. Следовало понимать, что противник пошел на подписание мирного договора из-за начавшихся проблем в своей экономике, довольно сильно подорванной войной на несколько фронтов. И вот спустя семь лет доклады тайной канцелярии вновь неутешительны: Герания вновь ударными темпами наращивает военный потенциал, и тут уж ожидать можно всякого.

«Мало времени, слишком мало, нам бы еще лет десять», – подумал император, устало опускаясь в любимое кресло. Конечно, за пять лет сделано немало, хотя надо признать, что в первые два года он наломал дров.

Он усмехнулся своим воспоминаниям и, стряхнув пепел в изящную пепельницу, выполненную в виде мифического змея, взял из стопки следующую папку.

«Снаряд, движимый посредством реактивной струи».

Что за бред? Император быстро пролистал несколько покрытых не очень разборчивым почерком страниц, бегло просмотрел вложенные в папку непонятные чертежи и уже хотел было бросить ее в стопку с подобной ерундой, но почему-то остановился. Вновь открыв папку, он несколько минут задумчиво смотрел на странный остроносый снаряд, снабженный небольшими крыльями, затем тяжело вздохнул.

– Министры меня точно заставят отречься, – пробормотал он и размашистым почерком вывел на обложке папки: «Выделить подателю сего документа на разработку проекта двадцать импернов¹».

---

¹ Имперн – денежная единица Руссарии. 1 имперн = 100 злотенов = 1000 частиков.

Часть первая Аэронавт

Глава 1

Сергей Ратный откинулся в кресле и, сжав кулаки, со злостью обрушил их на подлокотники. Что за ерунда, такого просто не может быть! И ладно бы выход из строя какого-то блока компьютера, что иногда случается, но одновременный отказ практически всей бортовой электроники – это вообще из разряда фантастики. Судя по всему, полетели и дублирующие системы, а главный компьютер вообще впал в состояние прострации – не реагировал на команды. Он лишь изредка оглашал рубку корабля пронзительным сигналом тревоги, оповещая об очередном отказе оборудования.

Сергей вздохнул и, поднявшись из кресла, подошел к вмонтированному в стену техническому шкафчику. Пару минут перебирал лежащие там инструменты, морщась от каждого вопля тревоги, и остановил свой выбор на детекторной отвертке и молекуляторе. Подойдя к приборной панели, он отшелкнул держащие пластиковую облицовку клипсы и принялся копаться в ее разноцветных мерцающих внутренностях. Наконец сирена замолкла, и в кабине корабля, зависшего над четвертой планетой неизвестной системы желтого карлика, наступила тишина. Сергей удовлетворенно усмехнулся, поставил панель на место и вернулся к креслу пилота. На этот раз компьютер отозвался на прикосновение рук человека к сенсорам клавиатуры – послушно открыл схему корабля, начав посекторный доклад о неисправностях. Молодой человек, нахмурясь, слушал механический голос компьютера, перечислявший полученные повреждения, и чувствовал, как по спине ползут противные мурашки страха. Судя по докладу компьютера, произошло разрушение трех из пяти стабилизирующих блоков реактора, что вызвало неконтролируемый выброс энергии. Компьютер корабля заметил опасность и принялся переводить все системы звездолета на резервные источники питания, но, увы, не успел.

– Чтоб тебя... – только и пробормотал Сергей.

Подобную поломку они изучали в академии в разделе гипотетических. Процент выхода из строя сразу двух стабилизаторов, представляющих из себя монокомполитные «к-стержни», был просто ничтожным, а уж выход сразу трех... И тем не менее факт налицо.

«Чертова консервная банка!» – мысленно выругался Ратный. И ведь собирался дожидаться рейсового челнока, но не захотел сидеть без дела целых полтора месяца, поэтому и решил отправиться грузовым шаттлом. В принципе, он и раньше так делал, пользуясь своим служебным положением, да и не он один. Подобные корабли во множестве курсировали в автоматическом режиме между ближайшими звездными системами, перевозя различные не слишком ценные грузы: от обычной руды до продуктов питания и запчастей. Обычно это были старые звездолеты, списанные с дальних трасс, частично распотрошенные и превращенные в обычные грузовозы. Правда, ему повезло: его корабль в прошлом был десантным шлюпом, хотя сейчас от этого не легче. С таким реактором корабль долго не протянет, вообще оставалось только удивляться, как эта старая консервная банка не превратилась в облако раскаленной плазмы.

– Компьютер, состояние реактора?

– Критическое.

– Как будто сам не вижу, – буркнул Сергей, откидываясь в кресле. – Восстановить возможно?

– Отрицательный ответ. Бортовые ремонтные системы функционируют на двадцать процентов.

– Да и они бы не помогли, – пробормотал он себе под нос, прекрасно понимая, что поломки подобных масштабов можно устранить только в планетарных доках. Вздыхнув и рассеянно взъерошив волосы, скомандовал: – Дай-ка мне еще раз общее состояние систем и рекомендации, а также подготовь систему дальсвязи для передачи сообщения.

– Принято.

Монитор компьютера неожиданно пошел разноцветной рябью и резко погас, а следом за ним погас и свет в кабине. Пару мгновений Сергей находился в абсолютной темноте, пока не вспыхнули тускло-голубые лампы аварийного освещения. По кораблю разнесся механический голос компьютера:

– Внимание, реактор поврежден, начато гашение активной зоны, до полной остановки осталось тридцать четыре часа двадцать минут. Внимание, секторы семь, пять и шесть блока «Д» будут закрыты через десять минут, всем находящимся в данных зонах членам экипажа необходимо срочно их покинуть.

– Это еще что за ерунда? – Сергей резко выпрямился и пробежался пальцами по клавиатуре, однако компьютер никак не отреагировал.

Парень вскочил с места, буквально сорвал облицовку приборной панели и пару минут разглядывал ее внутренности, затем отбросил пластиковую крышку в сторону и бегом бросился прочь с мостика. Судя по всему, дела судна были плохи, а значит, единственным безопасным местом будет спасательная шлюпка. Слава богу, ее еще не успели снять с превращенного в грузовик корабля. Вот только сперва нужно было заскочить в каюту за вещами. Он на секунду остановился на перекрестке, чтобы сориентироваться, и, бросив беглый взгляд на табличку, повернул в правый коридор – десантный шлюп был немаленьким, а каюты располагались чуть ли не на корме. Конечно, существует вероятность, что уцелевшая автоматика все же стабилизирует состояние корабля. Тогда останется только набраться терпения и дожждаться спасателей, но рисковать не особенно хотелось. Сергей мысленно усмехнулся и ускорил шаг.

Вообще, после того как корабль перевели в разряд автоматических грузовиков, из него выдрали все, что было не особо нужно для его функционирования в качестве грузовоза. Все, вплоть до пластиковой обивки кроватных полок в каютах. Десантные корабли и так никогда не отличались особыми удобствами; теперь же это была просто пустая банка, запрограммированная на полет из точки «А» в точку «Б». Оставалось только удивляться, почему не демонтировали спасательную шлюпку. Кстати, обнаружил он ее совершенно случайно, во время своего очередного обхода корабля. Лететь предстояло три дня, и делать все равно было нечего, тем более валяться в каюте особого желания не имелось, да и не особо там поваляешься – каюту распотрошили основательно. Хорошо хоть один из готовивших корабль к полету техников, узнав о пассажире, принес ему матрас и термоодеяло. Это позволило Сергею обустроиться хоть с какими-то минимальными удобствами, а бывало и хуже. Например, однажды ему пришлось два дня трястись в контейнеровозе и спать прямо среди ящиков с какими-то запчастями, используя вместо подстилки кусок пластиковой обшивки, а вместо подушки куртку, – и ничего, долетел. Да по сравнению с тем полетом тут просто райские условия: бывшая офицерская каюта, более-менее нормальная постель и в придачу сумка с продуктами, что собрали провожающие его друзья. К тому же у бортового компьютера оказался открытый интерфейс, и можно было коротать время за нехитрыми игрушками, обнаруженными им в одной из вкладок.

Вообще, у Сергея создалось такое впечатление, что те, кто переделывал космолет, почему-то действовали в спешке, а может, просто проявили небрежность. Обычно у бывших военных кораблей бортовые компьютеры либо полностью демонтировались, либо перепрограммировались, ибо даже если в них не хранились важные или секретные сведения, то они были приспособлены для выполнения определенных задач. Здесь же систему управления полностью заменили, а вот центральный компьютер почему-то оставили прежним. Мало того,

интерфейс управления был полностью открытым, так что, при желании и наличии нужных знаний, можно было спокойно увести эту старую калошу куда угодно. Знания у него в этой области были, потому что он прошел обязательное трехмесячное обучение по пилотированию, но особого желания баловаться с управлением космического корабля не возникало. А ведь когда-то он такую бы возможность посчитал за невиданное счастье, ведь еще в старших классах хотел стать космолетчиком или дальразведчиком, зачитывался об их приключениях на открытых ими планетах, мечтал быть похожим на отважных героев.

Надо признаться, что юношеское увлечение быстро прошло, и пару лет после окончания школы он метался по миру, ища себя в разных специальностях. В результате, сам того не ожидая, поступил на кафедру Томской академии авиации и космонавтики по специальности «инженер-проектировщик атмосферных судов». Окончив академию, год работал в конструкторском бюро, проектируя межконтинентальные лайнеры, а потом уволился, неожиданно осознав, что этот вид деятельности его мало интересует. Правда, на этот раз его ничегонеделание продолжалось недолго.

Сергей пришел со своей девушкой на выставку, где демонстрировались летательные аппараты прошлого, причем не только земные, и увлекся, буквально заболел этими необычными гремющими, рычащими, пыхтящими аппаратами, прибывшими в его двадцать пятое столетие из глубины веков и различных миров. Целый день он провел на выставке, бродя среди удивительных дирижаблей, воздушных шаров, бипланов, трипланов, старинных реактивных самолетов. Более всего его восхитили приспособления для полетов, что использовали аборигены одной планеты с низкой гравитацией и мудреным названием. Его девушка давно уже ушла, на прощание повертев пальцем у виска, а он, как ни странно, даже не расстроился. На эту выставку он ходил вплоть до ее закрытия, каждый раз с замиранием сердца наблюдая за полетом старинных машин, а затем подал заявление в Рязанский институт историко-технического реконструирования.

Специальность «инженер-реконструктор» неожиданно стала востребованной в межпланетной археологии. Дело в том, что ученые, проводя раскопки на различных планетах, отыскивали множество технических артефактов, и, чтобы восстановить хотя бы примерный вид находок, требовались инженерно-технические знания. Первыми помощниками археологов, естественно, стали техники и механики экспедиций, но часто их знаний не хватало, и вскоре на раскопки стали приглашать различных инженеров. В экспедициях появилась должность «реконструктор» – малооплачиваемая, первое время ее занимали энтузиасты, но постепенно появилась и профессия «реконструктор», специалистов-профи готовили земные вузы.

Сергея приняли почти сразу – приемную комиссию впечатлил его инженерный диплом Томской академии, и через пару месяцев он уже отправился в свой первый полет на планету, что располагалась в тридцати световых годах от Солнечной системы. Полгода он по крупицам восстанавливал облик найденного там летательного аппарата, похожего на биплан начала двадцатого века, а когда тот поднялся в воздух и пронесся над его головой, то ощутил безумную эйфорию. В тот день он как очумелый бегал по взлетному полю, что-то кричал, размахивал руками и совершенно не обращал внимания на удивленные взгляды археологов и аборигенов.

Ратный заскочил в кабину, споткнулся о невесть откуда взявшийся на полу баллон огнетушителя и, мысленно выругавшись, принялся спешно запихивать в сумку раскиданные по кровати вещи. Тусклый цвет с цепочкой моргающих в коридоре огоньков тревоги несколько действовал на нервы, заставляя спешить.

– Внимание, внимание, отказ дубль-контура, высока вероятность утечки реактора, всему экипажу срочно... – Голос компьютера резко оборвался, сменившись противным треском, затем все смолкло.

Парень на секунду замер, удивленно прислушиваясь к наступившей тишине, затем подхватил недособранную сумку и бросился бегом по коридору, ощущая в коленях противную слабость, – похоже, все было хуже, чем он думал. К счастью, шлюпка встретила его ярким светом, который на мгновение заставил Сергея прищуриться. Нырнув в ее нутро и пройдя между рядами амортизационных кресел, он бросил сумку на пол, после чего склонился над приборной панелью. Та от легкого прикосновения руки призывно замерцала разноцветными огоньками, бортовой компьютер коротко пискнул, сообщая своему пассажиру, что готов к приему команд. По его экрану побежали строчки, сообщающие о состоянии всех систем шлюпки. Сергей уселся в кресло пилота, чувствуя, как оно зашевелилось, точно живое существо, подстраиваясь под очертания тела человека, и попытался соединиться с центральным компьютером корабля. Увы, тот был недоступен. Чертыхнувшись, он уже хотел вернуться в центральную рубку и оттуда попытаться наладить связь со шлюпкой, дабы иметь более полную информацию о происходящем на корабле, но тут случилось неожиданное. Входной люк шлюпки скользнул в свои пазы, громким шипением сообщив о герметизации, а экран неожиданно моргнул, на нем запрыгали цифры обратного отчета.

– Э-э-э... стоп, стоп! – Пальцы Сергея заметались по сенсорам приборной панели – тчетно. Цифры обратного отчета продолжали свой неумолимый бег. Шлюпка вздрогнула, заставив его спешно откинуться на спинку кресла, вжимая встроенную в подлокотник кнопку гравитационного компенсатора. Тело легко сдавило, а через мгновение обзорные экраны вспыхнули, показывая быстро удаляющуюся тушу бывшего десантного корабля.

– Чтоб тебя... – пробормотал парень, хмуро глядя на мониторы и перебирая в голове варианты своих действий по возвращению на борт корабля. По инструкции – ручное управление должно было включиться не раньше, чем через тридцать минут после отстыковки. Или после ввода специального кода разблокировки, который он, естественно, не знал. Хотя он понимал, что компьютер не дал бы команду на сброс шлюпки, не будь на то серьезных причин, но все же с настойчивостью фанатика Сергей несколько минут пытался подчинить капсулу в надежде повернуть ее обратно. В конце концов сдался и, бросив взгляд на экран, громко выругался, затем откинулся на спинку кресла, задумавшись, что делать дальше. Торопиться и паниковать пока не стоило. Если с кораблем все нормально, то следует вернуться назад, едва включится управление. А если нет? Тогда остается всего два варианта: остаться на орбите планеты и, погрузившись в криосон, ждать спасателей или же попытаться пойти на посадку. В голове сразу всплыли институтские байки о замороженных мертвецах, обнаруженных спасателями через сотни лет после того, как они легли в свои криокапсулы, чтобы так никогда и не проснуться. Ратный передернул плечами, вспомнив свою единственную попытку криосна во время получения разрешения на дальние перелеты, – ощущения не самые приятные. И все же вариант с посадкой на планету был еще хуже. Садиться в неисследованный мир, который может оказаться смертельно опасным, – такая лотерея не для разумного человека. Впрочем, судя по датчику спектрографа, атмосфера планеты вполне подходила для дыхания, а введение нанвитов позволит справиться с вирусной опасностью на ближайшее десятилетие. Этого как раз должно хватить для адаптации и выработки организмом нужного иммунитета.

Сергей несколько мгновений колебался, затем вздохнул, решительно ткнул пальцем в голубую пиктограмму, расположенную над кнопкой включения гравитационного компенсатора, и почувствовал легкий укол в шею, сопровождавшийся тихим шипением. Решение было принято: он не желал болтаться на орбите в виде куска бесчувственного льда, завися от автоматов старой капсулы, уж лучше спуститься в новый, неизведанный мир. В конце концов, вернется он на корабль или совершит посадку – неважно, лучше уж ко всему подготовиться заранее, и этот укол помехой не будет.

Нановитамины – микромашинки размером с пару десятков нанометров. Они позволяют появляться в чужом мире, не отделяясь от него броней скафандра, и пресекают попытки мест-

ных вирусов и бактерий причинить вред исследователю. Кроме того, эти витамины увеличивают регенерационные силы организма человека, заживляя за считанные дни даже самые серьезные раны. В свое время эти наномашинки специально были разработаны для дальних экспедиций, но впоследствии стали широко использоваться в качестве подручного средства при лечении многих болезней.

– Ну как, старик, ты еще держишься? – пробормотал Сергей, глядя на экран, где угловатая туша транспортника уже превратилась в небольшую мерцающую черточку. Оставалась надежда, что все обойдется, но тут на теле корабля вспыхнул радужный огонек, затем еще один, и через мгновение вдали вспух шар взрыва, а еще через пару секунд корпус шлюпки сотряс удар, бросивший ее по неуправляемой траектории, ведущей к атмосфере планеты.

Осколок погибшего корабля пробил внешнюю обшивку шлюпки в районе маневровых двигателей, перебил несколько энергопроводов и, потеряв ускорение, лишь немного промял внутреннюю оболочку жилой капсулы, не нарушив ее целостности. Сергей этого не знал, он с ужасом смотрел на единственный работающий экран, видя, как вокруг спускаемого аппарата вспыхнуло яркое зарево, извещающее о том, что тот вошел в атмосферу, не активировав защитные поля. Свет в шлюпке неожиданно моргнул и погас, в полной темноте отчетливо слышался тихий гул бушующего за бортом пламени и натужный скрип гидравлических компенсаторов кресла. Перегрузка возрастала, сдавливая грудь Ратного стальными клещами, однако минуты шли за минутами, а гравитационные компенсаторы так и не включались. Огненным шаром шлюпка неслась сквозь атмосферу планеты к далекой неизведанной земле.

Поездка на рынок сегодня была на редкость удачной. Удалось продать большую часть овощей, а на вырученные деньги купить десяток кур и при этом немного сэкономить. Зельда улыбнулась и, обернувшись, посмотрела на стоящие в телеге клетки с птицами. В общем, она могла быть довольна, и если бы ее Серг был дома, то обязательно похвалил бы свою мать за подобную предприимчивость. Женщина дернула поводья, заставляя низкорослую гнедую лошадку, впряженную в небольшую повозку, ускорить шаг, и с грустью посмотрела в хмурящееся с утра небо. Ее Серг был аэронавтом, и этот факт почему-то вызывал зависть у многих односельчан. Этот род войск всегда находился под личным покровительством самого императора и туда брали только лучших из лучших. То, что туда смог попасть парень из далекой от столицы деревушки, было просто чудом – рукой providения.

Ее мальчик с самого детства грезил о небе, а после того как в городе на ярмарке увидел настоящий дирижабль, сам попытался построить такой из старых мешков, надув их дымом. В тот день он едва не спалил сарай и получил от своего отца прутком, но мечту о небе не оставил. Впрочем, отец его поддерживал и даже оплатил учебу в старшей школе, прекрасно понимая, что без хорошего образования мечта сына о небе так ею и останется. А уж как радовался, когда их Серг появился на пороге родного дома в новой кожаной куртке и шлеме с большими стеклянными очками... В тот день они видели его в последний раз. Их выпуск отправляли на фронт по специальному приказу. По словам сына, император лично приезжал в академию, дабы засвидетельствовать свое почтение будущим героям воздуха, и даже сфотографировался с ними. Правда, впоследствии деревенские злопыхатели утверждали, что этот визит был связан с большими потерями среди аэронавтов, в результате чего армии срочно понадобилось новое «летающее мясо». Зельда не обращала на них внимания – пускай зубоскалят. Лишь Грег, некогда служивший в бригаде тяжелой артиллерии и недавно вернувшийся домой весь обгоревший, с одной ногой, но, вопреки всему, не утративший бодрости духа, всегда поддерживал ее.

– Твой сын, Зельда, – элита, – говорил он. – Поверь, я-то этих аэронавтов знаю – белая кость, гордость имперских войск. Эти ребята просто так не пропадут. Так что ты должна набраться терпения, ждать и верить... вернется твой Серг.

Верить? Она верит... верит, что Серг когда-нибудь вернется. Он ведь был такой молодой, красивый, умный. Он не мог сгинуть на этой проклятой войне. Да, она прекрасно понимала, что прошло уже больше трех лет с той поры, как ей вручили серый конверт, в котором лежал узкий клочок бумаги с уведомлением: «Ваш сын пропал без вести», но ведь все может быть... Того же Грега считали погибшим, а он неожиданно объявился в деревне через год после войны. Да и в городе говорили, что многие из раненых до сих пор остаются в госпиталях, а кое-кто и в плену, так что надежда есть. Надежда... надежда на то, что и ее Серг где-то там... но он вернется, он обязательно вернется.

Внутри шлюпки было темно и жарко. К счастью, температура постепенно падала, но, несмотря на все усилия Сергея, обзорные мониторы оставались темными, и о положении спускаемого аппарата в пространстве можно было только догадываться. К тому же, если судить по ощущениям, шлюпка, скорее всего, уже преодолела верхние слои атмосферы и теперь неслась к земле. Утешал лишь факт, что тормозные двигатели все же работали и пытались затормозить падение, о чем можно было судить по то и дело наваливающейся перегрузке. Меж тем возникла другая проблема. В кабине отчетливо ощущался едкий запах горелого пластика, который с каждой минутой становился все сильнее и сильнее. Глаза слезились, тело сотрясалось в приступе непроизвольного кашля. Дело явно принимало дурной оборот. Во-первых, было неизвестно, как глубоко в атмосферу планеты вошла шлюпка, а значит, попытка воспользоваться катапультной системой могла закончиться для него плачевно, так как спасательного комбинезона с гермошлемом Сергей здесь не обнаружил. Во-вторых, судя по тому, что тормозные двигатели все еще продолжали свои упорные попытки замедлить падение корабля, тот по какой-то причине все еще не мог перейти в нормальный полет. Это означало как минимум жесткую посадку, если, конечно, автоматика шлюпки вообще сможет ее нормально посадить, в чем Сергей с каждой минутой сомневался все больше и больше. Словно подтверждая его мысли, по корпусу корабля пробежала странная дрожь, затем что-то громко грохнуло, заставив Ратного непроизвольно съежиться и выругаться. Больше медлить нельзя, нужно рисковать.

Ратный судорожно схватился за рычаг катапультирования, расположенный сбоку кресла, и резко рванул его вверх, но тот не сдвинулся с места. Еще рывок – тот же результат. Запах гари стал просто невыносимым, и Сергей зашелся в новом приступе кашля, почувствовав, как его охватывает дикая паника. Он еще пару раз дернул рычаг на себя и неожиданно почувствовал странную пустоту в груди, словно при спуске в скоростном лифте. По спине побежали холодные мурашки дурного предчувствия.

«Так, спокойно. Рычажок предохранителя вниз, рукоять вверх до щелчка, повернуть по часовой и еще раз резко вверх...»

С глухим хлопком часть обшивки шлюпки отлетела в сторону, а кресло с пассажиром рванулось вверх и, кувыркнувшись, устремилось вниз к неожиданно близкой земле, чтобы уже через мгновение закачаться под развернувшимся оранжевым куполом. Сергей этого уже не видел, он безвольно обвис в кресле, потеряв сознание от бешеной перегрузки, гранитной плитой обрушившейся на его тело.

Зельда улыбнулась своим мыслям и вновь подхлестнула едва плетущуюся кобылу – надо было поторапливаться. День уже клонился к вечеру, а дорога к деревне шла через Бенурский лес, и нужно миновать его, пока не стало слишком темно. Времена ныне были беспокойные, и на лесной дороге нет-нет да и находили труп какого-нибудь запоздавшего бедолаги. К слову, насчет лихих людей Зельда не особенно волновалась, ибо не думала, что бандиты позарятся на ее кур и те гроши, что позвякивали в ее тощем кошельке, – однако различного зверья в лесу было предостаточно. В последний год волки настолько обнаглели, что по вечерам выходили к окраине деревни, пугая баб и детвору. После войны мужиков в селе практически не осталось, а из женщин мало кто умел обращаться с оружием, вот зверье и наглело.

Размышляя таким образом и изредка погоняя свою неторопливую лошаденку, женщина уже добралась почти до леса, сквозь который проходила ведущая в ее деревню дорога. Неожиданно над головой что-то глухо ухнуло, и Зельда боязливо вжала голову в плечи, а лошадь испуганно заржала. Натянув поводья и заставив нервно фыркающую кобылу замереть на месте, женщина посмотрела вверх. Ее глаза удивленно расширились, провожая взглядом проносившийся над головой огненный шар, который с гулом скрылся за деревьями. Вскоре оттуда донесся глухой звук взрыва.

– И что им нейдет? – пробормотала Зельда себе под нос, подумав, что за месяц это уже второй ястанский аэростат, сбитый городской ПВО у нее на глазах.

Правда, предыдущий был поменьше размером, да и двигался не так быстро. Точнее, он неспешно плыл по небу, выпуская струйки черного дыма, пока в один момент не превратился в клубок огня, который с гулом грохнулся на окраине города. Этот же был слишком уж большой и падал необычайно быстро, но кто ястанцев знает – может, создали новую модель. Женщина покачала головой. Ястанцы упорно продолжали использовать в своих аэростатах горючий газ, и прицельное попадание в незащищенную отражателями область подъемного баллона превращала летательный аппарат в шар огня. Об этой проблеме ястанских боевых аэростатов ей рассказывал еще Серг, утверждая, что можно без особого труда разгромить вражеский воздушный флот. Возможно, так оно и случилось бы... возможно, если бы не геранцы. Увы, но в прошедшей войне Руссарии пришлось бросить весь свой воздушный флот на борьбу с геранскими аэростатами, а те, что остались у местных вояк, даже в воздух поднять было некому. Слава богу, наземные батареи ПВО заставляли наглцов держаться подальше от городов, и все же время от времени вражеские аэроавты пытались прощупать оборону на прочность. Зачем им это надо, Зельда не знала, да и не хотела забивать голову подобными глупостями. Пусть молодые соседки, сидя на лавочке, обсуждают последние новости и, читая городскую газету, рассуждают о внешней политике с умным видом, а вся ее политика ограничивалась небольшим огородом, сараем да рынком. И вообще Зельда считала, что не женское дело – совать свой нос в подобные дела, пусть этими вопросами столичные чины занимаются, а бабское дело – оно маленькое: детишек нарожать, воспитать их, за мужем и порядком в доме следить, вот еще бы войны больше не было.

Женщина вздохнула, подумав, что мысли о политике лезут в голову молодым девушкам от недостатка мужиков. Когда бы повыскакивали замуж, не забивали бы себе мозги подобными глупостями. Бросив последний взгляд в небо, по которому расплзлась темная дымная полоса, оставленная упавшим аэростатом, она с удивлением заметила похожий на огромный зонтик странный оранжевый предмет, который медленно опускался в сторону леса. Пожав плечами, женщина подхлестнула лошадку – надо поторапливаться, ибо солнце уже стремилось к краю горизонта.

Зельда остановила повозку и несколько минут непонимающе смотрела на огромный кусок оранжевой материи, запутавшийся в ветвях низкорослых деревьев, растущих вдоль дороги. Судя по внешнему виду, материя была вполне добротная, и женщине было непонятно, кому понадобилось ее выбрасывать, да еще развешивать на дереве. В результате она предположила, что, скорее всего, эта ткань как-то была связана с разбившимся аэростатом. Огромный оранжевый «зонтик», появившийся после пролета горящего аппарата, опускался как раз в этом направлении. Что это могло быть, женщина не знала, и это ее несколько пугало, но такое количество добротной ткани, бесхозно валяющейся в лесу, не могло оставить ее равнодушной. Локот² тканого полотна, причем не очень хорошего качества, в городе стоил почти полтора

---

² Локот – мера длины, равная примерно 90 см.

злотена, и это было очень дорого. За такую цену можно было купить молодую курочку-несушку или гусенка, а здесь на ветвях покоился не один десяток локотов прекрасного материала.

Конечно, цвет очень странный, но и такой ткани можно было найти достойное применение. Зельда нервно поерзала на облучке, чувствуя, как внутри нее страх перед неизвестным борется с жадностью. Наконец, тяжело вздохнув, она спустилась с повозки, мысленно ругая себя, обзывая старой дурой, сующей свои заgreбушие руки куда не следует. Несколько минут она топталась рядом с повозкой, ожидая чего угодно. От выживших после падения ястанских аэронавтов, скрывающихся в разросшемся между деревьев густом кустарнике, до военного патруля, торопящегося к месту крушения. Все было тихо. Женщина еще раз оглянулась и, мысленно наложив на себя благословенное знамение Создателя, принялась продираться сквозь кустарник. Только подобравшись ближе, она поняла, что не сможет дотянуться до огромного куска оранжевой ткани, что раскинулась над ее головой причудливым шатром. Со стороны дороги казалось, что ткань лежит на земле, а на самом деле до колышущегося под легким ветерком полотнища было более десятка локотов. Конечно, будь она моложе, взобралась бы на такую высоту по ветвям деревьев, но в ее возрасте не стоило об этом и думать.

Зельда тяжело вздохнула и уже собиралась вернуться к повозке, как ее взгляд упал на длинные веревки, которые тянулись откуда-то из кустов дикорастущей раскарии и явно имели отношение к висящей на деревьях ткани. Женщина удивилась, но тут же вспомнила веревки аэростата, на котором частенько катали детишек во время ярмарки: большой шар размещался внутри огромной сетки из веревок, которые крепились к висящей внизу корзине, где и находились пассажиры. Так что, возможно, эта ткань – остатки такого вот аэростата, который унесло ветром. Эти мысли ее несколько успокоили, и она решила отыскать корзину, к которой крепились веревки, чтобы, потянув за них, стащить остатки шара на землю. Зельда прекрасно понимала, что весь шар ей не увезти, но это пока и не требовалось. Главное, убрать его с дерева и спрятать от чужих глаз, а уж потом, разрезав на куски, потихоньку вывезти домой – кстати, веревки в хозяйстве тоже пригодятся.

Приободренная такими мыслями, она решительно направилась к высоким кустам дикой раскарии и, осторожно пробравшись через их колючие ветви, замерла в растерянности. Корзины не было, вместо нее к концам веревок крепилось странное устройство, похожее на причудливый стул с высокой спинкой. «Стул» лежал на боку в гуще поломанного при его падении кустарника. И, к своему ужасу, женщина увидела, что к этому странному стулу широкими белыми ремнями привязан человек в одежде необычного покроя.

Зельда замерла, разглядывая незнакомца, – он не подавал признаков жизни. Осторожно, стараясь не хрустеть ветками, подошла ближе, готовая в любой момент броситься назад, но он даже не пошевелился. Она с опаской смотрела на молодого мужчину, у которого с уголка приоткрытого рта и из носа тянулись красные кровяные дорожки, а жизнь в израненном теле выдавало только судорожное хриплое дыхание. Склонившись над ним, Зельда попыталась растянуть удерживающие его ремни – тщетно. Она долго не могла понять, как это сделать, взяв со странной массивной пряжкой, которая размещалась на груди незнакомца, пока не нажала на маленький выступ на ее торце. Пряжка с легким щелчком раскрылась и распалась на четыре части. Ремни резко дернулись и, вырвавшись из рук Зельды, втянулись внутрь странного стула, так что женщина вскрикнула от испуга. Незнакомец неожиданно открыл глаза и, посмотрев на женщину мутным взглядом, полным боли, что-то пробормотал на незнакомом языке, после чего вновь потерял сознание.

Глава 2

– Нет, женщина, ты лишилась рассудка! – Грег нервно ходил по комнате, прихрамывая на своем деревянном протезе и бросая гневные взгляды на сидевшую у стола Зельду, которая с безмятежным видом нарезала овощи и складывала их в большую чашку. – Притащить в дом незнакомца, да еще и аэронавта со сбитого ястанского аэростата.

– Я не думаю, что он ястанец, – спокойно ответила женщина, отодвигая тарелку. – Хотя что я тебе буду пояснять, ты и сам это прекрасно видишь. Ястанцы – низкорослый и смуглый народ, а у этого кожа побелее нашей будет, да и ростом пресветлый Создатель его не обидел.

– Так-то оно так, – буркнул бывший артиллерист, косясь в сторону незнакомца, лежащего в углу комнаты на толстом соломенном матрасе, уложенном поверх придвинутых друг к другу лавок. – И все равно, Зельда, глупая затея – держать его в доме, надо доложить в город, вдруг он ну пусть не ястанец, а, к примеру, геранский шпион. Знаешь, за его укрывательство по голове не поглядят.

– Грег, – хозяйка дома вздохнула, – сам подумай, что могло понадобиться геранскому шпиону в наших местах?

– Ну... – Мужчина озадаченно почесал в затылке. – Завод аэростатов...

– Который закрыт с начала войны.

– Крепость...

– В которой служат три калеки и два десятка пацанов и девчонок.

Мужчина грозно сверкнул на женщину глазами и, подойдя к столу, плюхнулся на стоящий рядом стул.

– Зель, ты как маленькая, – уже спокойно произнес он. – Времена сейчас опасные, мало ли кем этот чужак может быть. Вот очнется, да и прирежет тебя по-тихому, и смоемся, ищи его потом.

– Тьфу на тебя, Грег, – махнула рукой женщина. – Выдумываешь всякие глупости. Шпионы везде мерещатся. Ну какой он шпион?

Зельда вытерла руки о фартук, встала из-за стола и направилась к постели незнакомца. Взяв со стоящего рядом стула куртку раненого, сделанную из какого-то странного зеленоватого материала, протянула ее Грегу:

– Вот посмотри, сразу видно, вещь не из дешевых, да и покрой зело причудливый. Не думаю, что шпионов в такое обряжать будут. У нас эдакого франта сразу бы заметили.

– Ну... – потянул Грег, прекрасно понимавший правоту женщины, но считавший, что в любом случае следует остерегаться незнакомцев. Он несколько минут рассматривал куртку, дивясь тщательности ее покроя и полному отсутствию каких-либо швов, затем вздохнул и, вернув ее Зельде, спросил: – И кто он, по-твоему?

– Не знаю, – женщина пожала плечами. – Возможно, один из тех столичных богачей, аэронавтов-любителей, что сами строят себе аэростаты и потом летают на них по всему миру.

Грегор задумчиво посмотрел на лежащего без сознания молодого мужчину, со всех сторон обдумывая высказанное Зельдой предположение, и, не найдя в гипотезе хозяйки противоречий, согласно кивнул:

– Может быть, но тогда тем более надо сообщить в город, вдруг его ищут.

– «Надо, надо» – заладил! Сообщим еще, а пока лучше доковылял бы до доктора, а то и сообщать не о ком будет.

– Хорошо. – Мужчина с кряхтением и явной неохотой поднялся со стула. – Только что мы господину Табусу скажем, как объясним?

– А что тут объяснять-то, – буркнула Зельда, беря со стола миску с нарезанными овощами и направляясь к печи, где в разогревшемся горшке уже всюю бурлила вода. Отправив наре-

занное внутрь исходившей паром посуды, она вновь повернулась ко все еще мнущемуся у дверей Грегу и добавила: – Скажи, сын вернулся, а по дороге домой на него лихие люди напали.

Грег ковылял по проселочной дороге к домику Табуса, что находился недалеко от реки, ругая в уме совершенно свихнувшуюся Зельду и весь женский род в частности. Только ей могло прийти в голову приволочь в свой дом незнакомого человека, найденного по дороге в лесу, да еще взяться его выхаживать. Грег вздохнул. Впрочем, наверное, именно за вот такое безрассудство, изредка проскальзывающее в ее характере, она ему и нравилась. Помнится, два года назад, когда он в первый раз увидел ее среди беженцев из соседнего села, что находилось в нескольких терра³ выше по реке и которое зачем-то разбомбили ястанские аэроавты, то поразился силе воли этой женщины. Пока остальные рыдали, кляли судьбу и оплакивали родных, она металась среди своих односельчан, стараясь помочь по мере возможности. И только когда в гомонящей толпе затихли стоны, вопли отчаяния, отошла в сторонку и, усевшись около покосившейся скирды соломы, разрыдалась. Лишь потом он узнал, что в этой бомбардировке погиб ее муж, бросившийся спасать соседских детей из горящего дома, – сильная женщина. Тогда часть беженцев подалась в город, но некоторые, в их числе и Зельда, остались в деревне, благо пустых домов было много – война и голод не пощадили многие семьи.

Сказать, что он ее сразу полюбил, означало бы соврать, – они сблизилась как-то незаметно для самих себя. Она одинокая женщина, у которой война унесла сына и мужа. Он одинокий холостяк – молодая жена не дождалась его с войны и подала на развод, а вскоре вновь выскочила замуж за какого-то лавочника из города.

И хотя они пока не жили вместе, Грег почти целые дни проводил у нее в доме, помогая по хозяйству. Сперва на них косились, но потом перестали обращать внимание: кому интересен нелюдимый инвалид и одинокая вдова, поселившаяся на окраине села? Грег уже несколько раз пытался предложить Зельде засвидетельствовать их отношения, но та постоянно уходила от этого разговора. Он не торопил, прекрасно понимая, что в сердце женщины не скоро утихнет острая боль от потери супруга.

Второй проблемой был ее сын. Зельда настолько искренне верила, что ее мальчик жив, что Грегу ничего не оставалось, как поддерживать это заблуждение, хотя история второй имперской аэрогруппы, где служил Серг, была известна всем. Вторую имперскую бросили в горнило битвы за Табрусский перешеек, и в первом же бою Серг и его товарищи столкнулись с аэроавтами Каруса – лучшей аэрогруппой Герании.

На аэродром вернулось всего три экипажа второй имперской. Траурные некрологи почти месяц не сходили со страниц газет, а обыватели еще долго обсуждали, почему необстрелянных юнцов отправили на верную гибель, что это: несчастный случай или предательство командования, а может, просто чья-то преступная глупость?

Грег покачал головой. Нет, Зельда прекрасно все знала, ибо он сам как-то случайно увидел старые газеты с некрологами, которые она прятала в шкафу, но тем не менее женщина надеялась... А кто он такой, чтобы забирать у нее надежду?

Мужчина тяжело вздохнул и ускорил шаг.

– Интересно, очень интересно, – доктор задумчиво посмотрел на лежащего в кровати незнакомца, затем повернулся к стоящей позади Зельде и спросил: – Мадам Зельда, когда произошло нападение на вашего сына?

– Так вчера, – ответила женщина. – Я как раз ездила его в город встречать, но мы с ним разминулись, а на обратном пути смотрю, а мой Серг рядом с дорогой лежит и не шевелится. –

---

³ 1 терр равен 0,9 километра.

Женщина жалостливо всхлипнула и промокнула глаза кончиком платка, который все это время нервно мяла в руках. – Не помню, как на повозку втащила, а потом гнала как оглашенная...

– А почему за мной сразу не послали? – нахмурился врач.

– Не знаю, – Зельда вновь всхлипнула. – Думала, полежит – и оклемается, а он так и не очнулся. Скажите, господин Табус, с моим сыночком все будет хорошо?

– Ну, как вам сказать. – Доктор снял с носа очки в тонкой медной оправе и пару минут сосредоточенно протирал их краем халата, словно не зная, что ответить на этот простой вопрос.

– В принципе, скажу одно: несмотря на все эти страшные царапины, синяки и кровоподтеки, что покрывают его тело, похоже, с ним все в порядке. Правда, повреждены связки на правой ноге, но насчет этого не стоит беспокоиться, – махнул он рукой, заметив беспокойство в глазах женщины. – Сейчас я ему ногу перебинтую, а как придет в себя, делайте ему на это место теплые компрессы. Да, и еще – зайдите ко мне вечером, я дам вам мазь от ушибов, будете втирать три раза в день. А пока найдите какую-нибудь крепкую ткань, которую не жалко порезать.

Зельда кивнула и, скрывшись в соседней комнате, несколько минут гремела ящиками стоявшего там покосившегося комода, после чего вернулась со сложенной в несколько раз цветастой тряпкой.

– Это подойдет?

Табус взял протянутую материю и, развернув ее, несколько раз подергал, проверяя на прочность, после чего удовлетворенно кивнул:

– Вполне.

– Спасибо, доктор, – сказала женщина, внимательно наблюдая за процессом бинтования ноги незнакомца. – Значит, мой Серг поправится?

– А куда он денется! – Табус закрепил повязку и, удовлетворенно кивнув, вернулся к столу и принялся упаковывать в стоящую на нем сумку трубку стетоскопа.

Затем он попрощался с хозяйкой и, еще раз напомним о необходимости зайти вечером за мазью, направился домой.

Пациент попался странный, даже очень. С одной стороны, гематомы на его теле говорили о многочисленных переломах и возможных внутренних кровотечениях, но с другой, состояние больного было в норме. Пальпация также ничего особого не принесла – казалось, все у молодого человека в порядке. Удивляло расположение сердца больного. Судя по прослушиванию, оно было расположено не строго в центре грудины, как полагается, а было несколько смещено влево от срединной линии, что само по себе довольно удивительно, но не более того. О подобных казусах природы он часто читал в медицинском альманахе, правда, столкнуться за свою долгую практику пришлось впервые.

Но все эти ссадины и ушибы на теле пациента – ну не похожи они на последствия обычной драки! Если бы ему не рассказали о нападении на молодого человека, то он бы подумал, что повреждения вызваны падением с большой высоты, причем сквозь крону дерева. Нечто подобное он уже видел, когда сын Фарины, его соседки, полез в лесу на дерево, где обнаружил улей диких пчел, – медком хотел полакомиться, тогда тоже были царапины и ушибы по всему телу, ну и укусы, конечно. А у этого парня еще и капилляры в глазах полопались – странно! Но главное – поставить больного на ноги, а что там с ним случилось, пусть уж родня разбирается... или местный пристав.

Сергей с трудом разлепил веки и несколько минут пытался сфокусировать взгляд. Это ему не удалось – мешала пелена мути, делая очертания предметов расплывчатыми. Он хотел протереть глаза, но рука не слушалась, превратившись в неподъемную омертвевшую колоду. Сергей почувствовал, как внутри нарастает паника, и резко дернулся, пытаясь сесть, но тут же

со стоном рухнул на подушку. Тело не слушалось, к тому же резкая вспышка боли в спине едва вновь не отправила его в пучину беспомощности.

Какое-то время он лежал неподвижно, ожидая, пока боль успокоится, и пытаясь понять, что с ним происходит. Он явно уже не в капсуле, но вот где? Сквозь застилавшую глаза пелену угадывались очертания какого-то помещения, уставленного непонятными предметами. Сергей попытался рассмотреть ближайший, но видел только серое расплывчатое пятно, располагавшееся сбоку от него. Ясно одно: он находится в каком-то помещении и лежит на кровати, а это значит, что его кто-то подобрал. Судя по ощущениям, кровать как кровать, даже с подушкой. Сергей поерзал, устраиваясь поудобнее, щекой ощущая шершавость материала и легкое покалывание вылезшего через наволочку кончика пера.

«Видимо, на этой планете все же есть колония, а компьютер не смог определить местонахождение корабля из-за поломки, – Сергей вздохнул. – Хотя, судя по той же подушке, технологии у местных жителей далеко не передовые, остается только надеяться, что тут есть передатчик дальсвязи».

Он вновь попытался шевельнуть рукой, и, к его большой радости, это удалось. Правда, рука была полностью онемевшая, словно он отлежал ее во сне, и двигалась с большим трудом. Сергей попытался пошевелить ногами, но резкая боль в правой лодыжке заставила его отказаться от этих попыток.

«Да, мне здорово досталось, – подумал он, стараясь больше не шевелиться без надобности. – Тогда онемение, скорее всего, связано с действием нанвитов, которые блокируют нервные окончания в особо поврежденных участках тела».

Словно в подтверждение его мыслей, боль в потревоженной ноге стала утихать, а взамен нее пришло знакомое онемение.

«Значит, остается только ждать, пока нанвиты закончат свою работу, ну или надеяться на мастерство местных врачей». Сергей закрыл глаза и погрузился в спасительный сон, больше похожий на забытие.

– Серг, иди кушать! – раздался из дома голос Зельды.

Грег, сидевший у крыльца на небольшой чурке и с унылым видом разглядывающий покосившийся табурет, который он решил починить, только усмехнулся. Зельдин найденыш с самого утра торчал возле старого трактора, стоявшего прямо за оградой, и на зов женщины совершенно не прореагировал. Если честно, то до сих пор так и не ясно, понимает ли он их вообще или нет, хотя, скорее, нет. Когда спрашиваешь – либо глупо улыбается, либо просто не реагирует. Необычный он какой-то, еще неделю назад лежал в постели, точно бесчувственная колода, а сейчас только что не бегаёт – зажило как на собаке. Грег вздохнул и покачал головой, припомнив, как удивлялся этому Табус: похоже, доктор так до конца и не поверил, что его пациент почти оправился от своих ран. По крайней мере, он до сих пор каждый вечер приходил к Зельде и чуть ли не по часу прослушивал и обстукивал ее названного сына, словно пытался найти некий невидимый с первого взгляда подвох. Серг стойко переносил все эти процедуры, хотя Грегу казалось, что изредка в глазах пациента загорались насмешливые огоньки, будто найденыш в глубине души почему-то посмеивался над старым доктором.

– Грег, где Серг? – раздавшийся над самым ухом голос Зельды заставил задумавшегося Грега вздрогнуть от неожиданности и выпустить молоток, который он вертел в руках.

– Где-где, у трактора твой найденыш, – буркнул он, потирая ушибленное колено и подбирая инструмент с земли. – Любуется на металлолом, словно на картину в музее.

– Не называй его найденышем, – нахмурилась женщина. – Он Серг, мой сын.

– Зельда... – Грег бросил взгляд на нахмурившуюся подругу и, махнув рукой, взял гвоздь из стоявшей рядом коробки и одним точным ударом вогнал его в шатающуюся ножку табурета.

– Грег, – Зельда неожиданно ласково обняла мужчину за плечи, заставив того удивленно на нее посмотреть. – Грег, дорогой мой, я все ведь прекрасно понимаю, и... Серга не вернешь, но, знаешь... гляжу на парня, и сердцу легче как-то, душе спокойно.

– Зель... – Грег усмехнулся. – Не мели чепухи, он ведь не игрушка, немного оклемается и уйдет. У него, поди, своя семья, своя мать...

– Наверное... – женщина тяжело вздохнула. – И все же, пока он здесь, я впервые за многие годы почувствовала себя живой. Он ведь действительно похож на моего Серга, прямо в груди екает, – вдовство какое-то...

Грег согласно кивнул – действительно, сходство было. Он видел старую фотографию Серга и не мог с этим не согласиться. Найденыш тоже высокий, стройный, подтянутый, с черными как смоль волосами, и если его одеть в форму имперских аэронавтов, то сходство с фото будет практически полное. Правда, у сына Зельды лицо все же чуть более узкое и нос немного картошкой, а у незнакомца нос тонкий, прямой, с небольшой горбинкой, да и скулы пошире.

– Ладно, пойду его позову. – Грег отложил молоток и, поднявшись, направился к трактору.

«Надо же, трактор на паровой тяге или что-то подобное». Сергей вздохнул. Что-то похожее он видел только в земных музеях, да и то лишь в виде объемных проекций. Где же он все-таки оказался? Это явно не земная колония, ибо подобное технологическое падение даже представить себе трудно. Хотя, с другой стороны, космическая экспансия Земной Федерации насчитывает уже более пяти веков, и первые десятилетия после изобретения ныркового двигателя она проходила довольно сумбурно, так что некоторые старые колонии или их остатки находят до сих пор, но все равно... Сергей усмехнулся.

Во-первых, во всех найденных поселениях даже спустя столетия местные жители говорили на каком-нибудь из земных языков, а порой и на дикой их смеси – зачастую состав колониальных кораблей был многонациональным, – но все равно их можно было понять. Здесь же ничего знакомого – ни одного слова.

А ведь в вузе специально для подобных случаев вгоняли в мозг целую тучу полумертвых языков, так что в принципе он с легкостью мог говорить не только на английском, китайском или русском, но и на древнейшей латыни. Это частенько помогало при командировках в дальние колонии, где жители почему-то упорно отказывались использовать общепринятый лингвос. У здешних обитателей язык был абсолютно непонятным, довольно мелодичным, и порой складывалось впечатление, что они не говорят, а поют.

Во-вторых, волосы... он не знал, что у людей они могут быть разного цвета, как шерсть у кошек, а для местных жителей пестрота волос – норма. Прическу хозяйки разнообразили пряди трех цветов: коричневые, желтые и черные, да и приходящий к ней в гости мужчина мог похвастаться роскошной двухцветной бело-коричневой шевелюрой, а так люди как люди. Впрочем, из двух десятков известных человечеству инопланетных цивилизаций двенадцать принадлежат к гуманоидному типу, – видимо, он наткнулся на тринадцатую. И все равно – до чего же аборигены этой планеты похожи на людей!

Женщина, у которой он живет, невысокого роста, щупленькая, с миловидным лицом и густой гривой длинных волос, которые она собирает в роскошный хвост, спускающийся до пояса. Сколько ей лет, Сергей сказать не мог, хотя бы по той причине, что земными мерками тут мерить бессмысленно. Земная наука давно уже научилась отсрочивать старость, и человек в тридцать лет почти ничем не отличался от столетнего. Так что он мог сказать лишь одно – приютившая его хозяйка была еще не старой, как, впрочем, и пришедший к ней каждый день одноногий мужчина. Возможно, существовали еще и внутренние отличия, но их выявления – забота антропологов. Хотя, если судить по поведению старичка-доктора, который каждый раз его с интересом ощупывает и простукивает, какие-то отклонения от физиологии местных аборигенов.

ригенов у него, землянина, имеются. Конечно же, доктора наверняка удивило быстрое выздоровление пациента, но заметно, что местного эскулапа смущает что-то помимо этого. Знать бы только что? Сергей вздохнул и, наклонившись, помассировал колено. Нога до сих пор побаливает, да и онемение не проходит, что говорит о непрекращающейся работе нанвитов. Это несколько беспокоило Сергея и доставляло неудобство при ходьбе, заставляя слегка прихрамывать, но тут уж ничего не поделать.

Во всей ситуации самое поганое – уровень развития местной цивилизации, особенно если судить по данному образцу технического гения. Сергей обошел вокруг трактора. Несколько непривычная шестиколесная компоновка, две пары маленьких колес соединены между собой узкими гусеницами, еще одна пара – в рост человека. Шины отсутствуют как таковые: просто железные обода с толстыми спицами, утыканные по периметру шипами. Корпус – длинный цилиндр, расширяющийся посередине там, где находится водительское место. Спереди торчит длинная труба, зачем-то украшенная причудливой чеканкой, потемневшей от времени. Третий уровень развития или четвертый, а это значит одно – он здесь застрял, и застрял надолго. Максимум, на что способна местная наука, это, скорее всего, обычная радиосвязь, а поданный с ее помощью сигнал о спасении – все равно что крик в пустоту, к тому же наверняка тут еще не изобрели мощных передатчиков. Естественно, существует некая вероятность, что он ошибается и этот трактор – всего лишь поделка местного умельца, но, судя по тому, что он видел в доме, не стоит рассчитывать на серьезные технические возможности местной цивилизации – был примитивный. Так что единственное, на что остается надеяться, так это на присутствие исследовательской группы ИВИСа⁴, ибо только ивисовцам разрешен доступ на планеты данной категории.

– Параграф одиннадцатый кодекса Земной Федерации: разрешен прямой контакт только с цивилизациями, имеющими седьмой уровень развития и выше, – пробормотал Сергей и тяжело вздохнул. – Остается вопрос, а есть ли вообще на этой планете наблюдатели?! – Он раздраженно, поскольку ответ был очевиден, стукнул кулаком по ободу колеса так, что посыпались кусочки ржавчины.

Все кресла в капсулах снабжались специальными маячками, которые автоматически активировались при катапультировании, и его кресло не было исключением. Но тот факт, что ивисовцы до сих пор не дали о себе знать, говорил об одном – их здесь нет. По всей видимости, данная планета находится вне исследованной зоны, и получается, что он здесь надолго... если не навсегда.

– Вот чертовщина! – Сергей уперся лбом в холодный обод колеса.

Одна надежда, что компьютер корабля успел передать сигнал «SOS». Тогда за ним прилетят. Не сразу и не завтра, но когда-нибудь... когда-нибудь.

– Серг, лавкуинс арувг лкон Зельда.

Сергей резко выпрямился и, покосившись на подошедшего к нему мужчину, который красноречивым жестом указал в сторону дома, молча кивнул.

«Анализируйте язык. Попытайтесь разбить его на отдельные части, отделив глаголы и существительные. Прилагательные, причастия, фразеологические обороты и правильное произношение слов вы добавите потом. Прежде всего добейтесь, чтобы собеседник вас понимал. Если вы скажете на его языке: «Я хотел еда», – пусть это звучит нелепо, но он вас поймет, а это самое главное. Поэтому запомните сначала глаголы и существительные...»

Сергей усмехнулся. Вот уж никогда бы не подумал, что лекции по лингвоанализу могут пригодиться! И ведь казалось, что уже все забыл, однако нет – словно слушал их не шесть лет

---

⁴ ИВИС – Институт внешних исследований.

назад, а только вчера. Хотя тут, скорее, не его заслуга, а того профессора, что довольно строго спрашивал на экзаменах, заставляя студентов зубрить ненужный, по их мнению, предмет. В те годы он даже не представлял, для чего ему может понадобиться умение быстрого изучения языка, ибо любой из известных в Федерации языков можно было выучить при помощи специальной программы за считанные часы. К тому же тогда-то он учился совсем не на факультете косморазведчиков – собирался стать обычным инженером... и все же эти знания пригодились.

Сергей улыбнулся промелькнувшим в голове воспоминаниям из студенческой жизни, рассеянно подумав, что составители институтской программы обучения – странные люди, коль поставили такой предмет. Зачерпнув из глиняной миски темно-коричневого варева, Ратный, обреченно вздохнув, отправил его в рот, – здешняя еда была невыносимо пряной на вкус. Первое время он не мог съесть больше двух ложек, да и сейчас приходилось с трудом сдерживать рвотные позывы, – впрочем, это дело привычки. Хорошо еще, что местная органика без проблем усваивалась организмом, иначе выжить здесь было бы проблематично. С усилием проглотив еще пару ложек, он решительно отодвинул тарелку с супом в сторону. Приютившая его женщина бросила взгляд на почти полную чашку и, покачав головой, поставила перед ним миску с салатом. Землянин виновато улыбнулся и, взяв из рук заботливой хозяйки протянутую ему чистую ложку, принялся с аппетитом поглощать разноцветную смесь. Салаты были, пожалуй, единственной пищей, которую можно было есть не морщась, ибо местные овощи и фрукты оказались довольно приятными на вкус. Особенно ему понравились похожие на огурцы красные плоды растущего во дворе дерева, вкус которых сильно смахивал на дынный.

А вот с мясом у него возникла серьезная проблема, ибо все, что он пробовал, отдавало тухлятиной... Воротило от одного запаха. Меж тем все было свежее, и Сергей лично наблюдал за процессом отрубания головы курице – так он мысленно окрестил птицу, чем-то напоминающую земного археоптерикса, вымершего миллионы лет назад, – с последующей ее ошипкой и варкой. Видимо, в процессе готовки мясо выделяло какой-то пахучий компонент, который чувствовал только он один. По всей видимости, дело тут было в отличиях рецепторов, отвечающих за обоняние. У здешних аборигенов они работали несколько по-другому, и то, что для него было ужасным амбре, для них являлось чудесным запахом свежеприготовленной пищи. Кстати, на вкус мясо птицы было очень даже ничего, но пахло так, что исчезало всякое желание подкрепиться. Однако Ратный понимал, что придется постепенно привыкать к здешней пище.

Судя по всему, этой планете на долгое время придется стать его домом, а значит, надо как-то осваиваться. Хотя легко сказать – осваиваться. Чужой мир, чужие нравы и обычаи – потребуется время, чтобы понять местную жизнь и влиться в нее, и на этом пути много подводных камней. Он не раз читал о провалах ивисовцев на планетах подобной категории, когда потерявшие осторожность агенты попадали в силки местных спецслужб и приходилось вмешиваться службам прикрытия и зачистки. Только вот его-то некому прикрыть, прийти на помощь, вытянуть с планеты в случае провала – у него одна жизнь и единственная попытка.

И все же надо признать, что ему повезло, и в первую очередь повезло с людьми, которые его приютили и непонятно по какой причине о нем заботятся. Это дает ему время, чтобы познакомиться со здешней жизнью, выучить язык, немного освоиться. Остается только надеяться, что он им не в тягость. Сергей с благодарностью посмотрел на женщину, которая, заметив его взгляд, вопросительно вскинула брови и потянулась к его опустевшей тарелке, видимо, с намерением подложить добавки. Он жестом остановил ее и, улыбнувшись, поднялся из-за стола, показывая этим, что уже сыт.

– Айланус имарган, му найул кунаг Серг? – неожиданно спросил сидевший во главе стола Грег.

Сергей несколько секунд глядел на смотрящего в его сторону мужчину, затем коротко поклонился хозяйке, благодаря за угощение, и молча направился к ведущей на улицу двери. Возможно, стоило ответить, ибо общий смысл фразы ему был понятен. Грег просил помочь

принести какие-то доски, однако Сергей пока предпочитал не афишировать свои познания в языке, тем более что они были небольшими. Например, имена хозяйки дома и ее друга Сергей понял с самого первого дня: женщину звали Зельда, а мужчину – Грег; примерно так их имена звучали бы на земном языке. Позднее, наблюдая за своей спасительницей и прислушиваясь к разговорам, он смог разобрать еще пару десятков слов – не густо, но вполне достаточно, чтоб хотя бы немного понимать смысл разговора. Но вот что удивительно: новые знакомые почему-то упорно называли его Сергом, хотя своего имени он им не называл, предпочитая отмалчиваться и слушать. То ли они дали ему имя, схожее с его именем, то ли слово «серг» означало что-то другое – он пока понять не мог и оставил разрешение данной загадки на потом.

Сергей вышел на крыльцо и, усевшись на ступеньку, задумался. Грегу действительно надо было помочь, тем более что мужчина, по всей видимости, задумал починить вечно протекающую крышу дома. Он мужик, конечно, еще крепкий, но отсутствие ноги ниже колена... Молодой человек вздохнул, подумав, что, похоже, пришел момент хоть чем-то отплатить за оказанную помощь, да и более тесный контакт пора налаживать. Поэтому, когда Грег, стуча своим деревянным протезом, появился на крыльце, Сергей решительно поднялся ему навстречу.

– Нет, ты глянь, Зель, зыркнул на меня глазами, развернулся и ушел.

– Грег, что ты пристал к мальчишке? Еще недели не прошло, как он с постели поднялся, а ты его уже запрячь хочешь. Пусть оклемается немного, а то вон до сих пор говорить не может. – Зельда подхватила со стола полупустую тарелку Серга и, покачав головой, отправила остатки в ведро.

– Тоже мне нашла мальчишку, – буркнул Грег. – А насчет говорить... ну, не знаю, возможно, он просто нашего языка не знает или почему-то не хочет с нами разговаривать. К тому же, когда без сознания лежал, помнишь, что-то лепетал на незнакомом языке? Я такого никогда не слышал. Интересно, откуда он?

– «Геранский шпион, поди, возьмет и прирежет нас», – передразнила Зельда, пытаясь подражать голосу Грега, но тот только отмахнулся.

– Брось, Зель! Что он не геранец или не ястанец, уже понятно, но и не руссар – это точно. Может, из-за океана?

Женщина не ответила, а лишь пожала плечами, убирая со стола посуду.

– Ладно, – сказал Грег, откладывая ложку в сторону и довольно отдуваясь. – Уфф. Наелся. Пойду к Заку, а то обещал доски до полудня забрать.

Он отворил входную дверь, и сидевший на ступеньке Серг тут же вскочил на ноги, заставив мужчину остановиться и удивленно на него посмотреть.

– Я иди с ты. Хочу помочь.

Грег, нахмурился, молча кивнул и направился к стойлу.

Глава 3

– Ваше величество, к вам штаб-канцлер Карнот.

Император, сидевший за столом, бросил недовольный взгляд на секретаря и, тяжело вздохнув, кивнул:

– Зовите.

Молодой человек щелкнул каблуками, коротко поклонился и вышел из кабинета. Император снова вздохнул и, поднявшись из удобного кресла, привел в порядок свой мундир, подумав, что императору в первую очередь не подобает быть неряшливым в одежде, тем более перед начальником внешней разведки.

– Ваше величество...

– Проходите, господин Карнот, присаживайтесь, – император кивнул в сторону стульев, которые окружали большой овальный стол, стоящий посреди кабинета. – Какими очередными неприятностями порадуете?

– Вы, как всегда, дальновидны, ваше величество...

– Бросьте, канцлер, – отмахнулся император. – За последние годы вы так редко радовали меня хорошими новостями, так что догадаться нетрудно.

– Я в этом не виноват, ваше величество.

– Я понимаю, – император вздохнул. – Ладно, что там у вас?

Карнот кивнул, подошел к столу и принялся расстилать на нем карту, рулон которой все это время держал под мышкой вместе с пухлой папкой. Предложением присесть он пренебрег.

– Что тут у нас? – Император склонился над картой.

– Майдерский полуостров, ваше величество.

– Это я и сам вижу, – бросил нервно император. – Неужели опять ястанцы?

– К сожалению, да, ваше величество. – Штаб-канцлер открыл папку и, достав из нее пару листов бумаги, исписанных мелким каллиграфическим почерком, протянул императору: – Вот донесения агентов и моя краткая оценка сложившейся ситуации.

Правитель Руссарии взял протянутые документы и, отойдя к окну, несколько минут их просматривал, хмуря брови, затем быстрым шагом вернулся к столу и вновь склонился над расстеленной на нем картой.

– Кто у нас на этом направлении?

– Генерал Антоинов, ваше величество, его войска занимают оборону вдоль тойгунской оборонительной линии, вот здесь. – Канцлер провел пальцем по карте, указывая расположение войск.

– Это западнее Майдерского полуострова. Получается, что полуостров полностью открыт для удара.

– Не совсем так, ваше величество, – покачал головой Карнот. – Тайканский перешеек, соединяющий Майдерский полуостров с Большой землей, прикрывает дивизия полковника Кудсова.

– Если донесения ваших агентов верны, то не думаю, что это надолго остановит ястанцев.

– Возможно, ваше величество, – кивнул начальник внешней разведки. – Но все же смею заметить, что местность там довольно гориста, а сам полуостров не представляет особого интереса для ястанцев. Там нет ничего интересного и опасного для них: десяток сел, пара небольших городов, недостроенный порт да несколько едва работающих фабрик, не представляющих на данный момент стратегического значения. К тому же смею предположить, что основной удар ястанские войска нанесут все же по тойгунской линии, стремясь к Эрату, где сосредоточены наши месторождения газа.

– Что геранцы?

– Мои агенты сообщают, что геранское командование не предполагает в этом году никаких военных операций, к тому же лично я считаю, что в данный момент мир выгоден им не меньше, чем нам.

– Значит, ястанцы самостоятельно решили урвать от нас лакомый кусочек, посчитав его легкой добычей, – задумчиво пробормотал император.

– Думаю, да, – кивнул штаб-канцлер. – Хотя считаю, что без геранских интересов здесь не обошлось.

– С помощью ястанцев хотят проверить нас на прочность?

– Да, ваше величество.

– Значит, надо показать, что мы сильны. – Император хлопнул ладонью по карте и, резко выпрямившись, подошел к своему столу, где нажал кнопку вызова кабинет-секретаря.

– Ваше величество. – Секретарь застыл в дверях по стойке «смирно», пожирая императора преданным взглядом голубых глаз.

– Вот что, голубчик, срочно оповестите моих генералов о том, что вечером будет проведено заседание Военного совета, и пошлите посыльного к графу Строгову с моей просьбой о срочном созыве кабинета министров, где я выступлю с важным заявлением.

– Дядя Серг, а вы правда были аэронавтом, как тетя Зельда рассказывает?

Сергей покосился на сидевшего рядом с ним на берегу соседского мальчишку и коротко кивнул:

– Да, Лайт, тетя Зельда говорит правду.

– Здорово, – мальчик посмотрел на землянина восторженными глазами и хотел еще что-то спросить, но Сергей улыбнулся и молча ткнул пальцем в сторону пляшущего на волнах поплавок.

Лайт обернулся в указанную сторону и тут же схватил удочку, резко подсекая клюющую рыбу.

– Прозевал, – констатировал Сергей, косясь в сторону мальчика, который с унылым видом смотрел на пустой крючок.

– Угу, – вздохнул пацан и, бросив взгляд на садящееся солнце, принялся собирать снасти. – Пойду я, дядя Серг, а то мама будет беспокоиться.

– Давай, а я посижу еще часок, пока солнце не сядет. Может, расклетается, а то совсем что-то улов у меня небогатый, – Сергей кивнул в сторону ведерка, в котором плескалось несколько некрупных рыбешек.

Мальчик ушел, а Сергей сменил наживку и, забросив удочку, терпеливо уставился на покачивающийся поплавок.

Три месяца он уже находился на этой планете – точнее, три местных месяца. В отличие от земного, месяц здесь состоял из трех недель, по пятнадцать дней каждая. К тому же здешний год делился всего на два сезона – тепла и холода. Первый именовался теплуrom и длился шесть месяцев, второй – морозаром и был на два месяца короче. Сами же месяцы не носили каких-либо отдельных названий, здесь говорили: «первый месяц теплура» или «третий месяц морозара». Впрочем, до начала холодного сезона было еще далеко, так как теплуr едва миновал свою середину и еще долго можно было наслаждаться теплыми деньками. Впрочем, насколько он понял из разговоров с Зельдой, климат в здешних краях был довольно мягким, и порой снег не выпадал до самого конца сезона холодов. Это не могло не радовать – зиму Сергей не любил. Пять лет назад, как раз под Новый год, от него ушла Катя... ушла к другому, сказав, что разлюбила. С тех пор он возненавидел зиму с ее морозами, снегом и новогодними праздниками. Парень вздохнул и, бросив беглый взгляд на неподвижный поплавок, вновь погрузился в раздумья.

Странный мир – так похожий на родную Землю и одновременно столь от нее отличающийся. Если бы Сергея попросили кратко его охарактеризовать, то он сказал бы, что этот мир чем-то похож на начало двадцатого столетия его родной планеты, хотя и отличий было предостаточно. Работая реконструктором, Сергей не раз обращался к земной истории, изучая архивные документы давно минувших дней. Так что, по крайней мере в техническом аспекте, он довольно точно мог видеть различие в развитии двух цивилизаций.

Как некогда на Земле, здешний мир вступил в эпоху пара и стали, но, в отличие от родной планеты, так в ней и остался. И если на Земле начала двадцатого века на смену паровым двигателям приходили двигатели внутреннего сгорания, то здесь пар царствовал повсюду. Паровозы, паромобили, пароходы владычествовали на наземных дорогах и водных путях этого мира, а небо бороздили дирижабли, лопасти которых приводились в движение паровыми двигателями. Но что больше всего удивило Сергея – это полная электрификация всех городов и окрестных сел, что тоже довольно сильно отличало этот мир от Земли, где в начале двадцатого века многие люди знали об электричестве только понаслышке.

Он пару раз выбирался в соседний город Раксор, сопровождая Зельду в ее поездках на рынок, где с неподдельным интересом рассматривал огромные паромобили, грохочущие по улицам. Хотелось покопаться в их внутренностях, узнать, какие технические решения применили местные конструкторы, да и об окружающем его мире не мешало бы узнать побольше. К сожалению, до поры до времени приходилось ограничиться лишь наблюдением, а пока следовало учить местный язык и обычаи, чтобы не сильно выделяться среди окружающих. Собственно говоря, в деревне его удерживало не только плохое знание языка, ведь за прошедшие месяцы он освоил его на достаточно приемлемом уровне, – просто-напросто Сергей не знал, что предпринять далее. Надеяться на скорое возвращение не приходилось, а значит, надо было как-то обустроиваться и вливаться в окружающую его жизнь, вот только с идеями на этот счет пока было туго.

Хорошо еще хоть подбравшая его женщина не возражала, что он так долго остается у нее в доме. Насколько Сергей понял, хозяйка недавно потеряла сына в одном из вооруженных конфликтов, разгоревшихся на планете, и этот сын был уж очень на него, «найденка», похож, если, конечно, верить словам ее друга Грега. В результате, как сказал бы любой земной психолог, женщина невольно проецировала чувства к сыну, ныне покойному, на пришельца, что несколько напрягало Сергея, который совсем не хотел пользоваться своим сходством с погибшим. Поразмыслив несколько дней над данной ситуацией, он напрямую заявил об этом Грегу. Тот задумчиво почесал переносицу, пожал плечами и отмахнулся, заявив, что бабы думают не головой, а чувствами и что пытаться понять, а тем более переубедить женщин – пустое занятие. И уж если Зельде легче от того, что она видит в Сергее погибшего сына, то пусть так оно и будет.

К изумлению парня, с документами проблем не возникло. Грег проводил его в местную управу, где землянин и подал заявление, написанное, естественно, Грегом, об утере документов в связи с бандитским нападением. Примерно через неделю Сергея вновь вызвали туда и вручили небольшую темно-синюю книжицу с его фотографией внутри и изображением на обложке животного, похожего на земного волка. Лишь позднее он узнал, что незамедлительная выдача документов стоила Зельде ее денежных накоплений за несколько лет.

Вот так без лишнего шума и споров он из Сергея Владимировича Ратного превратился в Серга тер Эйтана – бывшего аэронавта имперского воздушного флота, вернувшегося домой с войны после ранения.

Среди жителей деревни его неожиданное появление особых вопросов не вызвало. Сына Зельды тут никто не знал, а возвращение солдата после получения его семьей похоронки большой редкостью не было – на войне случалось всякое. А вот сам факт нахождения в селе молодого незамужнего парня настолько взволновал девичью часть населения, что к Зельде под

различными предложениями зачастили молоденькие соседки. В принципе, ничего удивительного: мужчин в деревне было мало – сказывались последствия войны. И все же Сергея несколько огорошила подобная девичья «атака», тем более что большая часть приходящих даже не скрывала своих истинных намерений. Правда, он быстро дал понять, что женитьба его пока не интересует, и девушки на какое-то время перестали осаждать дом Зельды, но вопрос Грега о планах на будущее застал Ратного врасплох. Пришлось крепко призадуматься.

Конечно, с одной стороны, нынешнее положение Сергея вполне устраивало, но с другой – он прекрасно понимал, что так долго продолжаться не может и вскоре ему придется определиться со своим местом в этом новом для него мире. И все же от каких-либо решительных действий в этом направлении его пока удерживала надежда на то, что корабль все же успел подать сигнал бедствия и прибытие спасателей – дело времени. Однако с каждым прошедшим днем надежда таяла.

Хотелось вернуться домой, вновь увидеть мать и отца. Впервые за несколько лет Сергей остро ощутил, как соскучился по родителям. Им уже наверняка сообщили о том, что он пропал без вести. Как они там? Как мать сможет пережить сообщение о его исчезновении? Последние два года он почти не бывал у родителей, увлекшись новой работой и мотаясь из системы в систему, – даже звонил редко. А теперь и позвонить невозможно. Сергей вздохнул. Нужно определяться, смысла сидеть на одном месте уже не было. Если спасатели все же придут, то смогут найти его в любой точке планеты, так как он снял металлический кругляш аварийного маячка с кресла катапульты и, прикрепив к крепкой бечевке, повесил на шею. Так что теперь любой корабль с включенным поисковым сканером смог бы засесть местоположение Сергея с точностью до метра.

Поплавок неожиданно дернулся и резво побежал в сторону, изредка исчезая под водой. Сергей несколько секунд смотрел на него отсутствующим взглядом, затем вскочил на ноги и, схватив стоящую на рогульке удочку, рванул ее на себя, подсекая клюнувшую рыбу.

Огромная туша пассажирского дирижабля зависла над посадочной платформой, и ожидающие его причаливания работники аэровокзала забегали вдоль перрона, волоча за собой выброшенные из гондолы тросы. Через пару минут те были закреплены в специальных пазах, и под платформой заработали невидимые моторы, притягивая к себе дирижабль. Наконец с глухим скрежетом днище гондолы коснулось поверхности платформы, двери пассажирского помещения распахнулись, выпуская людей на перрон.

Из небольшой группы встречающих вышел невысокий мужчина с короткими коричнево-белыми волосами, облаченный в форменную черно-серую одежду ястанской гвардии, правда, без знаков отличия, отбросил в сторону недокуренную сигарету и неторопливо направился к дирижаблю.

Он приблизился к одному из прибывших – высокому, одетому в длиннополое черное пальто мужчине средних лет, который остановился рядом с гондолой и, опершись на черную полированную трость, задумчиво наблюдал за окружающей суетой.

– Полковник Майсер?

Тот обернулся и вопросительно посмотрел на подошедшего:

– С кем имею честь?

– Технический советник при командовании ястанского воздушного флота дарт-капитан Эрнес тер Менал. – Встречавший вытянулся по стойке «смирно» и шелкнул каблуками.

– Бросьте вы этот официоз, капитан, – поморщился Майсер, снимая шляпу и приглаживая белоснежные волосы. – Мы сейчас как бы гражданские лица, не забывайте.

– Слушаюсь, господин...

– Инженер Отто Майсер, – улыбнулся беловолосый. – Или просто Отто – в конце концов, нам с вами еще работать и работать.

– Слу... хорошо, Отто.

– Вот и замечательно. – Он хлопнул Эрнеса по плечу и, подхватив чемодан, вопросительно посмотрел на капитана Менала.

– Прошу за мной, господин Майсер. – Капитан развернулся и направился вдоль перрона.

Они спустились по широкой металлической лестнице, прошли по небольшому тоннелю и очутились на небольшой площади, уставленной паромобилями различной конструкции.

– И на этом еще ездят? – Отто с удивлением посмотрел на шестиколесную громаду с двумя трубами. Нечто подобное было у его отца лет десять назад, да и то считалось уже довольно старой моделью.

– Ну, тут еще и не такое встретишь, – усмехнулся Эрнес, направляясь к небольшому приземистому паромобилю, вдоль длинного капота которого разместилось с десятков небольших загнутых назад труб серебристого цвета. Распахнув перед подошедшим Майсером дверцу пассажирского отделения, Менал застыл навтыжку в ожидании, но инженер покачал головой и, кинув свой чемодан внутрь, обошел машину, после чего уселся на переднее сиденье рядом с водителем.

– Аппараты прибыли? – поинтересовался он, едва капитан опустил на водительское сиденье.

– Вчера утром, – кивнул Эрнес, бросая взгляд на манометр и увеличивая температуру в топке. Машина глухо заурчала, а вокруг труб задрожало марево горячего воздуха. Убедившись, что воды в котле достаточно, а газовые баллоны полны наполовину, он сдвинул рычаг подачи пара вперед, трогая паромобиль с места.

– Куда сначала – в консульство или сразу на аэродром? – капитан покосился на Майсера, который с интересом рассматривал проносившийся за окном урбанистический пейзаж ястанской столицы.

– На аэродром, естественно. – Инженер потянулся и, виновато улыбнувшись, пояснил: – Не выспался, ночью над проливом попали в дождевой фронт, из-за болтанки никак не мог уснуть.

– Бывает, – понимающе бросил Менал, сворачивая на дорогу, ведущую из города. – Можете подремать, ехать-то почти два часа.

– Действительно, – кивнул Майсер и, поудобней устроившись на сиденье, надвинул шляпу на глаза. – Попробую вздремнуть.

Эрнес вел машину как можно аккуратнее, изредка бросая взгляды на своего спутника, который, судя по всему, действительно уснул. И кто бы мог подумать, что придется работать с самим Отто Майсером – легендарным конструктором аэростатов, благодаря которому воздушная мощь Герании не знает равных. А ведь сидящему рядом с ним человеку немногим более тридцати – поразительно. Говорят, сам экс-канцлер Герании разрешил Майсеру звонить ему напрямую в любое время суток, а генеральное казначейство по первому требованию готово предоставить огромные суммы для воплощения идей Майсера в жизнь – хотя это только слухи. И все же разработки гениального инженера действительно потрясли. Взять хотя бы эти новые аппараты, которые специально привезли в Ястанию, чтобы те прошли обкатку в боевых условиях, – ничего подобного Менал раньше не видел. Ему самому не терпелось посмотреть на этих птичек в действии, и он не завидовал руссарским аэронавтам, которым вскоре придется с ними столкнуться.

Впрочем, для самой Ястании война, которую она готовилась развязать против Руссарии, – верх глупости. Почему-то молодой император Ястании решил, что Руссария, еще не пришедшая в себя после Герано-Артанской войны, является легкой добычей и что он сможет без особых усилий захватить часть ее территорий, – какая глупость! Армия Ястанской империи с ее устаревшим вооружением и уставом двухсотлетней давности давно уже не одерживала каких-либо значительных побед. А вся ее союзническая помощь Герании сводилась к вечному

выклянчиванию оружия и боеприпасов да сковыванию армии генерала Замарова на восточном направлении. Мало того, за это время Ястания как-то умудрилась потерять большой кусок территории, которая была возвращена ей лишь после подписания мирного договора между Геранией и Руссарией.

Ястания затевала новую войну, стремясь взять реванш у ослабевшей Руссарии. Это попыхивало авантюризмом, так как руссарская армия превосходила ястанскую по боеспособности, но данный факт не останавливал ястанского императора. Впрочем, для Геранией эта война была выгодна в первую очередь с экономической стороны: продажи устаревшей техники, снимаемой с вооружения геранской армии, поставки обмундирования, боеприпасов и, конечно же, газа для двигателей сулили огромную прибыль промышленникам и хорошие поступления в казну. К тому же эта война позволяла прощупать реальную силу руссарской армии, ну и заодно опробовать в деле кое-какие новинки. Так что все силы геранских агентов влияния были брошены на укрепление мысли ястанского императора и его приближенных о необходимости этой войны. Капитан осуждающе покачал головой и, покосившись на все еще спящего спутника, поддал пару.

А Майсер совсем и не спал, он сидел с закрытыми глазами, вспоминая недавние события. Лишь он один знал, насколько тяжело дается ему продвижение технических идей, какой постоянный пресс испытывает он со стороны конкурентов и завистников. А в последнее время эти нападки стали особенно сильны, в частности после его оглушительного провала с проектом аппарата тяжелее воздуха. Нет, тот, конечно, взлетел, но смог подняться лишь на несколько локотов над землей и теперь покоился в ангаре как конструкторский казус, на создание которого было потрачено несколько тысяч золотых.

Отто вздохнул, в сотый раз перебирая в уме расчеты и пытаясь понять, где он ошибся. Да, он знал, что постройка крыланов – так конструкторы называли аппараты тяжелее воздуха – давно уже признана бесперспективной всеми ведущими аэроконструкторами. Крыланы были слишком хрупкими, ненадежными и неустойчивыми в полете. Выход из строя двигателя в ста процентах случаев вел к гибели аппарата. Было еще много минусов, отрицательных факторов, из-за которых попытки создания крыланов прекратили повсеместно, однако Майсер мог бы указать множество плюсов, которые делали эти аппараты привлекательными, и в особенности для военных целей.

Глядя на парящих птиц, Отто верил, что можно построить аппарат, превосходящий самый лучший аэростат не только по маневренности, но и по скорости – причем в разы. Мало того, у крыланов перед аэростатами имелось неоспоримое преимущество – они были дешевле и проще в производстве.

Его увлеченность частенько вызывала насмешки у других аэроконструкторов, но назло всем завистникам и злопыхателям он все же смог доказать императору правоту своих убеждений... и вот такой конфуз. Оставалось только надеяться – боевые испытания его новых аэростатов произведут должное впечатление, что поможет восстановить пошатнувшееся доверие. Правда, надо учитывать, что Ханкаль наступает ему на пятки, а «Твайдеры» этого талантливого конструктора – действительно прекрасные машины, но соперничать с выдающейся личностью необычайно интересно. К тому же очень хочется увидеть, что их с Ханкалем аппаратам смогут противопоставить руссарские инженеры.

– Господин Отто, мы подъезжаем. – Голос Эрнеса прервал раздумья Майсера и заставил открыть глаза и бросить взгляд на показавшиеся впереди ангары аэродрома. – А вот на чем они здесь летают.

Отто бросил взгляд в указанную капитаном сторону и саркастически хмыкнул. Серо-черный продолговатый шар аэростата защищен снизу V-образным отражателем, крепящимся к верхней части зубилообразной гондолы и предназначенным для защиты аэростата от обстрела с земли. Одномоторный, причем, если судить по тонкой струйке серого дыма, тянущегося сле-

дом, двигатель не парогазовый, а работающий на обычных топливных брикетах. Майсер скривил губы в презрительной ухмылке – такие двигатели в Герании остались разве только на тракторах бедных фермеров.

– «Повелитель ветров», если не ошибаюсь, – сказал инженер, внимательно разглядывая плывший над деревьями аэростат. – Объем баллона три тысячи кубометров⁵, экипаж два человека, двигатель «Кин и сыновья», крейсерская скорость семьдесят терров в час, жесткая конструкция с деревянным каркасом, заполнен водородом – рискованные ребята.

– Буквально самоубийцы, – буркнул Эрнес. – Во время войны потери их аэросостава превысили семьдесят процентов, думаю, на этот раз будут не меньше.

– Посмотрим, – пожал плечами Майсер. – Руссарские аэрочасти тоже довольно сильно потрепаны и вряд ли смогут ответить в полную силу.

– Да уж, знатно мы их проредили, – усмехнулся капитан. – И вы, надо сказать, сыграли в этом не последнюю роль.

– Не надо подхалимажа, капитан, – нахмурился Отто, поморщившись. – У руссаров есть неплохие инженеры, и я с нетерпением ожидаю их реакции на появление моих «малышек».

– Я смотрю, вас это забавляет?

– Не скажу, чтобы забавляло, – покачал головой Майсер, – но определенный интерес моей работе придает. Дуэль двух конструкторов, борьба мнений и концепций – что может быть интереснее?

Эрнес бросил взгляд на инженера и подумал, что мог бы назвать с десятков вещей, на его взгляд, более интересных, но, заметив в глазах спутника какой-то нездоровый фанатичный блеск, благоразумно промолчал.

– Что случилось? – Сергей вопросительно посмотрел на сидящих за столом нахмуренного Грега и заплаканную Зельду.

– Ничего хорошего, – буркнул бывший артиллерист, пододвигая в сторону парня серый конверт.

– Что это? – Сергей поставил удочки в угол и, подойдя к столу, взял конверт. Открыл его и достал оттуда листок со знакомым гербом наверху. Пару минут рассматривал сообщение, затем, вздохнув, вложил обратно. Читать он еще толком не научился и из всего написанного разобрал лишь свое новое имя.

– Повестка это, сынок, – всхлипнула Зельда. – К завтрашнему утру тебе надлежит явиться на сборный пункт Раксора.

– Зачем?

– Затем, – усмехнулся Грег. – Серг, ты что, действительно не знаешь, что такое сборный пункт Раксора?

– Нет, – покачал головой землянин.

– Откуда ты такой свалился? – вздохнул мужчина и тут же пояснил: – В армию тебя призывают.

– В армию? Но я же... только недавно... – Сергей замолчал и растерянно посмотрел на Грега, не зная, как реагировать на эту новость.

– В особых случаях...

– Война будет, сынок, – перебила Грега Зельда, вытирая слезы. – В городе давно уже говорят, что ястанцы собираются на нас напасть... Видимо, это была не пустая болтовня.

---

⁵ Здесь и далее использованы некоторые земные названия и термины для облегчения восприятия текста. Надеюсь, читатели будут не против. – *Примеч. автора.*

– Чертовы⁶ ясты! – грохнул по столу кулаком мужчина. – И что им нейметя? Во время последней войны драпали от нас, поджав хвосты, мы догонять не успевали, а сейчас осмелели. Видят, что страна ослабла, и спешат отгрызть кусок – стервятники!

Сергей покосился на Грега, но промолчал – в голове творился полный сумбур. Вспоминались кадры из военных фильмов: горящие танки, обломки глайдеров, группы пехотинцев в пробитых и потрескавшихся бронескафандрах. Медленно проплывающие перед объективом камеры развороченные туши космолетов, ставшие холодной могилой для своих экипажей. По спине пробежал холодок – чего-чего, а такого развития событий он совсем не ожидал. Погибать в войне чужого народа совершенно не входило в его планы.

– Боишься, парень? – Грег, внимательно наблюдавший за молодым человеком, видимо, по-своему интерпретировал его задумчивость. Впрочем, ошибся он не слишком сильно.

– Есть немного, – не стал отнекиваться Сергей. – А что будет, если я не явлюсь?

– Будешь считаться дезертиром, а с ними по законам военного времени разговор короткий. – Грег с кряхтением поднялся из-за стола и, подойдя к парню, замер напротив него, несколько мгновений пристально смотрел ему в глаза, затем ободряюще похлопал по плечу и, прихрамывая, направился к выходу из дома.

– Серг, ты же голодный, поди, почитай половину дня на речке сидел, – неожиданно засустилась Зельда. – Садись давай, сейчас суп подам.

Сергей растерянно кивнул и уселся за стол, обдумывая сказанное Грегом. Оказаться вне закона – тоже не самое лучшее решение, тем более в чужом мире, в котором все, что он знает, – это небольшая деревушка и ее окрестности. Можно, конечно, уйти, но куда? Сергей, обхватив голову руками, выругался на родном языке, заставив Зельду недоуменно обернуться.

– Серг тер Эйтан?

– Да, – кивнул тот.

Седовласый военный с длинными обвислыми усами скучающим взглядом посмотрел на фотографию в документе, затем вновь на Сергея.

– Вашу послужную карту, пожалуйста.

– Она утеряна, господин капрал, вот выписка из управы, – ответил Сергей, как можно спокойнее протягивая бланк документа, заверенного зеленой гербовой печатью.

Капрал пробежал глазами по справке, которую Сергей получил вместе с паспортом, и его брови удивленно взметнулись вверх:

– Аэр, лейтенант четвертого класса второй имперской аэрогруппы?

– Все верно, – кивнул землянин.

Что написано в документах, он прекрасно знал, хотя с остальным были проблемы. Зельдин сын числился военнотружущим, а это подразумевало определенные армейские знания, которых у Сергея как раз и не было. Так что его решение пойти на призывной пункт папахивало не меньшим авантюризмом, чем попытка уклонения от призыва, – и все же он решил рискнуть, а уж прибыв на место, определиться с дальнейшими планами. Об этом он напрямую сказал Грегу, и тот неожиданно его поддержал.

Ратному нравился этот немногословный рассудительный человек, с лицом, изуродованным шрамами от ожогов, потерявший в войне одну ногу, но при этом не утративший силы духа. Сергей даже как-то рискнул рассказать ему, откуда на самом деле он прилетел, но сдержанная реакция собеседника на невероятную, по меркам этого мира, историю заставила его заужавать Грега еще больше. Тот со спокойным выражением лица выслушал рассказ землянина и, тяжело вздохнув, ободряюще похлопал парня по плечу, заметив:

---

⁶ Вообще-то Грег выразился несколько по-другому, но здесь и в дальнейшем подобраны аналоги выражений и слов из земного языка. – *Примеч. автора.*

– Тяжело тебе будет на чужбине, но жизнь она, знаешь ли, такова. Никогда не угадаешь, куда тебя забросит и как искорежит, а жить дальше надо. Если же сложишь лапки, то не заметишь, как пойдешь ко дну. Так что держись, а мы с Зельдой поможем по мере наших скромных сил.

Вот и вся реакция. Ни капли страха, ни малейшего удивления, хотя с ним рядом сидит пришелец с другой планеты, ни вопросов типа «а как там в других мирах?» – ничего. Простая жизненная философия и совет: «Держись, мол, парень».

«А разве мне остается что-то другое?» – усмехнулся Сергей. Он отогнал воспоминания и взглянул в лицо капралу.

– Аэр-лейтенант Эйтан, – тот протянул Сергею документы обратно. – В течение двух суток вам надлежит явиться к месту прохождения вашей службы в Наймарскую крепость. И позвольте заметить, сэр, я слышал о произошедшем с вашей аэрогруппой и искренне рад, что вы уцелели в той мясорубке.

Сергей взял документы, растерянно кивнул в ответ и вышел из полупустого здания призывного пункта.

– Ну и куда тебя отправляют? – поинтересовался Грег, поджидавший его у повозки, на которой они приехали в город.

– В Наймарскую крепость.

– Что ж, можно сказать, повезло, – бросил мужчина.

– Повезло? – Сергей вопросительно посмотрел на бывшего артиллериста.

– Ну как тебе сказать... – Грег задумчиво поскреб пальцами свою щеку. – В войну Наймарская крепость практически не подвергалась налетам, и это было самое спокойное место. Ее возводили для прикрытия нового порта, но из-за войны его так и не достроили. Так что на самом деле крепость охраняет лишь кучу заброшенных строений. В народе ее еще называют «Приютом птенцов».

– Почему?

– Приедешь, сам поймешь, – загадочно улыбнулся Грег. – Ладно, садись в повозку, поедем к станции. Если правильно помню, то вечером должен быть поезд как раз в ту сторону.

– Может, сегодня домой, а завтра...

– Нет, – покачал головой Грег. – Незачем лишний раз Зельде душу травить, она очень сильно привязалась к тебе. Скажу ей, что все нормально, а ты, как приедешь, черкни пару строк.

Сергей понимающе кивнул.

Через два часа он уже сидел в полупустом вагоне, прицепленном к паровозу, который, урчав и выбрасывая из трубы облака черного дыма, уносил его в неизвестность.

Глава 4

Волны неторопливо набегали на камни мола и с шумом скатывались назад, чтобы через мгновение пойти на новый штурм неприступной преграды.

Сергей вздохнул и, поправив висевший через плечо небольшой рюкзак с вещами, неторопливо побрел вдоль дороги, ведущей к горе, на вершине которой расположилась Наймарская крепость. Было довольно жарко, так что подъем в гору по убегающему вверх грунтовому серпантину дороги быстро его вымотал. Пройдя примерно половину пути, Сергей решил передохнуть.

Отступив немного от обочины дороги, он уселся в густую траву под раскидистым деревом и, развязав рюкзак, достал из него баклажку с чаем. Напиток давно остыл, превратившись в теплую, ароматно пахнущую жидкость, но освежал на удивление хорошо, и парень сам не заметил, как опустошил флягу почти досуха. С благодарностью вспомнил Зельду, которая собирала его в дорогу, закрыл флягу пробкой и сунул обратно в рюкзак. Привалившись спиной к шершавому стволу дерева, он несколько минут разглядывал раскинувшийся у подножия горы недостроенный порт.

Солнце палило нещадно, и даже в тени было душно, лишь редкий ветерок, прилетавший со стороны моря, приносил краткий миг свежести. Море было безмятежно, оно растеклось внизу огромным темно-синим зеркалом, уходящим к далекому горизонту. Сергей перевел взгляд на примыкающий к порту город, буквально утопающий в зелени раскидистых деревьев. В него землянин просто влюбился еще при первом его посещении. Его широкие чистые улицы были выложены красноватым камнем, а вдоль них стояли аккуратные трехэтажные домики с черепичными крышами. Небольшие уличные кафешки, где за столиками даже в жару сидело довольно много посетителей. Приветливые улыбчивые люди, которые помогли заплутавшему в переулках незнакомцу и показали верную дорогу. И к тому же... все тут было каким-то умиротворенным, неторопливым и по-домашнему уютным. Хотелось плюнуть на все, спуститься обратно к морю и, найдя подходящий пляжик, растянуться на песке, забыв обо всех проблемах, метаниях и сомнениях. Город был чем-то неуловимо похож на один из приморских городов его родной планеты. На краткий миг накатило отчаянье: впервые за долгое время он почувствовал себя чужим для этого мира, остро резануло осознание своего одиночества. Землянин поднял глаза вверх, где над головой, среди ветвей дерева, виднелось небо чужой планеты, и несколько минут вглядывался в его пронзительную синеву, словно хотел увидеть в его глубине отблеск далекой звезды по имени Солнце.

В ветвях неожиданно засвистела невидимая птица, заставив парня вздрогнуть. Сергей тяжело вздохнул и, проведя по лицу ладонью, решительно поднялся на ноги.

Крепость встретила его абсолютной тишиной и распахнутыми настежь воротами. Сергей несколько мгновений в нерешительности топтался у самого входа, растерянно оглядывая пустынную площадь перед двумя двухэтажными кирпичными зданиями. Одно из строений зияло пустотой застекленных окон, а над входом во второе, выглядевшее вполне обитаемым, лениво трепыхался красно-голубой флаг Руссарии.

– Стоять, руки вверх! – неожиданно раздался из-за спины тонкий женский голосок, в котором явственно сквозили испуганные нотки.

Сергей послушно поднял руки вверх и медленно повернул голову, встретившись взглядом с растрепанной рыжебеловолосой девочкой, нервно сжимающей в руках короткоствольную винтовку. Незнакомка тут же вскинула свое оружие и направила его в грудь Сергею.

– Стой на месте!

– И долго? – поинтересовался он спокойным голосом.

– Что – долго? – растерялась девушка.
– Стоять на месте, – усмехнулся Сергей.
– Столько, сколько я скажу, – решительно отрезала та. – Вдруг ты ястанский шпион?
– Девочка, – землянин вздохнул. – Я не шпион. Будь я им, уж точно не перся бы через центральный вход, а проник бы другим путем.

– Тейрина! – Из здания с флагом выскочил мужчина, на котором из одежды были только зеленые пятнистые брюки и расстегнутая белая рубаша. – А ну отставить!

– Да, господин штат-капитан! – звонко отозвалась девушка и, уперев винтовку прикладом в землю рядом со своим сапогом, вытянулась в струнку.

Сергей с облегчением опустил руки и с благодарностью посмотрел на подошедшего мужчину.

– Комендант крепости штат-капитан Андре тер Роханцев, – представился тот, быстро застегивая пуговицы рубашки. – С кем имею честь?

– Аэр-лейтенант Серг тер Эйтан, мне предписано прибыть в вашу крепость для прохождения службы. – Сергей скинул рюкзак и, достав оттуда документы, протянул их коменданту.

– Настоящий аэр-лейтенант?!

Парень покосился на девушку, в широко открытых глазах которой почему-то мерцало немое восхищение, и коротко кивнул.

– Здрово! – пискнула та, но, заметив нахмуренный взгляд коменданта, брошенный в ее сторону, тут же вновь замерла по стойке «смирно».

– Что ж, очень рад. – Капитан вернул документы Сергею. – Прошу следовать за мной, господин лейтенант. А ты... – он грозно посмотрел на Тейрину. – Марш на пост! И если еще раз отлучишься куда-нибудь...

– Но, дядя Андре, там такая бабочка была...

– Тейрина! – Роханцев нахмурился.

– Слушаюсь, господин штат-капитан! – бодро отрапортовала девушка и, развернувшись на каблуках, строевым шагом направилась в сторону раскрытых ворот.

Отойдя метров на десять, она неожиданно обернулась и, показав опешившему от изумления Сергею язык, бегом скрылась за воротами.

– Вот вертхвостка, – буркнул Роханцев. – Совсем субординации не признает.

– А сколько ей лет-то? – поинтересовался Сергей, который в первое мгновение своей встречи с Тейриной принял ее за подростка.

– Да почти двадцать, – ответил комендант. – Вообще-то она девочка хорошая и службу знает, легкомысленна только... Ладно, пойдёмте ко мне, там все и обсудим.

Они прошли через площадь, вошли в здание, поднялись на второй этаж и, пройдя по коридору с обшарпанными стенами, остановились перед свежоокрашенной дверью – она белым пятном выделялась на фоне серых стен.

– Прошу вас в мою обитель, – сказал капитан, распахивая дверь и пропуская Сергея вперед.

Довольно просторная комната, в которой из всей мебели присутствовали только большой письменный стол с множеством ящичков, шкаф для одежды, пара стульев. Да в углу приютился промятый кожаный диван.

– Располагайтесь, где удобнее. – Роханцев растерянно посмотрел на свои босые ноги, покрывшиеся грязью за время вынужденной пробежки, затем, извинившись, скрылся за дверью.

Сергей усмехнулся и, бросив рюкзак на ближайший стул, подошел к широкому сводчатому окну, откуда открывался прекрасный вид на площадь и входные ворота. Пару минут он смотрел на улицу, однако там ничего не происходило, если не считать драки между стайкой птиц воробьиной наружности, устроивших свару в ветвях дерева. Впрочем, потасовка продол-

жалась недолго. Птиц что-то спугнуло, и они, возмущенно пощелкивая, умчались куда-то по своим неведомым делам. Сергей вздохнул, отвернулся от окна и принялся вновь разглядывать кабинет коменданта. Вскоре его внимание привлек висевший на стене портрет, где был изображен молодой черноволосый мужчина с волевым лицом, облаченный в темно-синий мундир с белоснежными эполетами и десятком орденов на груди.

– Андрий Лайнов, император Руссарии, – прочитал Сергей, подойдя ближе к портрету. – И никаких тебе дурацких «тер»...

Вообще-то частица «тер», разделявшая имя и фамилию, означала примерный возраст человека. Если бы Сергею было меньше десяти, его бы звали просто Серг Эйтан, позднее добавилось бы слово «най», которое после восемнадцатилетия менялось на «тер», а после сорока – на «экс». У женщин соответственно: «ни», «лан», «кай». А вот отсутствие в имени одной из данных частиц означало принадлежность человека к так называемому дворянскому сословию. Вроде ничего сложного, но Сергей иногда путался в этих частицах имени, а чаще всего просто забывал о них. Впрочем, в деревне к этой его странности быстро привыкли, списывая все на мнимую контузию.

Скрипнувшая дверь заставила Сергея оторваться от разглядывания портрета и обернуться в сторону вошедшего в комнату коменданта. Роханцев полностью переоделся, облачившись в офицерскую форму: зеленые штаны с синими лампасами, тянущимися почему-то всего лишь до колен, бежевая рубашка с накинутым поверх зеленым кителем, на плечах которого красовались серебристые погоны. Грудь украшена несколькими кругляшами орденов. Босые ноги коменданта несколько портили его бравый вид, но Роханцев намеревался исправить упущение: он подошел к столу и достал из-под него пару начищенных сапог.

– Вы меня извините, аэр-лейтенант, что встречаю вас не по уставу, но ваше назначение в нашу крепость э-э... несколько необычно.

– И что же тут необычного? – Сергей непонимающе посмотрел на коменданта.

– Ну как вам сказать, – хмыкнул Роханцев. Он сел на диван, намотал на ногу кусок ткани и натянул правый сапог. – Во-первых, береговые батареи практически все демонтированы, а для тех, что остались, снарядов давно нет, так что они тут больше для проформы. Во-вторых, весь гарнизон крепости – это я и еще десяток девчонок. Служить они пошли добровольцами, но не направлять же этих пигалиц на фронт. Для них вообще служба – как игра. Вот обычно и рассовывают их по таким местам, как наша крепость. Ах да, забыл назвать Кая – нашего механика. Вот он, пожалуй, единственный в нашей компании, кто по-настоящему приносит хоть какую-то пользу. Так что, господин лейтенант, наша крепость по своей сути кучка полузаброшенных строений. И наш гарнизон существует здесь только потому, что кто-то наверху, – он ткнул пальцем в потолок, – считает данные развалины «военным объектом на частичной консервации». Во как! – комендант саркастически усмехнулся. – Надеюсь, теперь вы понимаете мое удивление, связанное с вашим назначением.

– Понимаю, – ответил Сергей. – Грубо говоря, у вас здесь этакий отстойник для лиц, не особо пригодных к службе, но желающих служить.

– Что ж, можно сказать и так, – мгновение подумав, согласился комендант.

– Ну, тогда я вполне попадаю под это определение. Дело в том, что у меня частичная амнезия из-за контузии...

– Понятно, – сказал Роханцев, когда землянин рассказал свою «правдивую историю» о нападении бандитов. Он одним движением натянул второй сапог и, поднявшись на ноги, приотпнул, затем с улыбкой посмотрел на Сергея: – Что ж, тогда рад вас приветствовать в наших дружных рядах. Пойдемте, покажу вам свои владения, а заодно подумаем, куда бы вас пристроить. Впрочем, есть у меня одна идеяка...

Отто Майсер стоял вместе с советником Меналом на небольшой металлической площадке под крышей ангара и наблюдал за кипящей внизу работой.

– Надо признать, форма у баллона довольно необычная, – сказал Менал, смотря на парящий посреди ангара аэростат, вокруг которого суетились техники, заканчивая сборку аппарата и подготовку его к полету.

– Если быть точным, это не один баллон, а несколько объединенных под одной оболочкой, – заметил Майсер.

– Да? – Эрнес задумчиво посмотрел на приплюснутый блин аэростата с закрепленной под ним небольшой каплевидной гондолой. – Решили сделать его многокамерным?

– Естественно, – кивнул Отто. – Это повысит живучесть аппарата. Пробой оболочки в нескольких местах не станет для него смертельным, мало того, – инженер ткнул своей тростью в сторону аэростата, указывая на короткие крылья, торчащие по бокам самого баллона и в его хвостовой части под килем вертикального стабилизатора, – видите их? По сути, в его компоновке использована схема крылана, что позволило мне в разы повысить маневренность аппарата. Так что теоретически, в случае, когда одновременно повреждение большого количества камер приведет к катастрофической потере гелия, аппарат рухнет на землю не сразу, а сможет еще какое-то время продержаться в воздухе, планируя.

– Теоретически?

– Ну, думаю, в боевых условиях нам представится случай проверить эту мою идею, – усмехнулся Майсер. – Впрочем, это еще не все сюрпризы моей машины. – Он сунул руку во внутренний карман пиджака, достал довольно толстый кусок какого-то серого материала и протянул его капитану.

Менал взял образец, похожий по структуре на вспененную резину, и несколько минут внимательно его разглядывал, затем вопросительно посмотрел на своего начальника, заметив:

– Напоминает резиновую губку, но такой легкий, я его практически на руке не ощущаю.

– Это так называемый байтр – изобретение моего друга профессора Байтруна, – пояснил Майсер. – Материал действительно очень легкий и одновременно вязкий по своей структуре, вообще-то разрабатывался как обычный утеплитель, но я нашел ему несколько другое применение.

– И какое?

– Самое необычное, – загадочно улыбнулся Отто. – Я покрыл им исходную ткань оболочки.

– Зачем? – удивился Эрнес.

– Ну, во-первых, он не горюч, – бросил Майсер и, улыбнувшись, добавил: – А это позволило сэкономить на искроуловителях, да и зажигательные пули ему не страшны. Во-вторых, такая комбинация позволила во много раз уменьшить естественную утечку гелия. Несмотря на пенистую структуру, материал Байтруна на редкость газонепроницаем.

– Но не слишком ли дорогое получилось удовольствие? – с сомнением в голосе спросил Менал, вертя в руках образец материала.

– Измененная ткань не дороже стандартной, – пожал плечами Майсер. – Зато выигрыш очевиден. Мало того, сама оболочка в результате получилась даже легче и прочнее, чем произведенная из обычной прорезиненной ткани.

– Удивительно, – хмыкнул Менал, возвращая образец инженеру. – Кстати, а почему у вашего аэростата нет защитного экрана?

– А зачем он нужен? – спросил Отто, убирая кусок байтра во внутренний карман. – Толку от этой защиты немного, а шальная искра оболочке теперь не страшна. К тому же моя машина – это в первую очередь охотник за другими аэростатами. Поэтому на ней даже не предусмотрены бомбодержатели, зато установлено сразу три пулемета. Два по бокам гондолы, а один сверху, над баллоном, на балке внешнего каркаса.

– А я все гадал, зачем эта сфера сверху? – признался капитан. – Неожиданное решение, в таком месте стрелок будет неприятным сюрпризом для атакующих.

– Я тоже так решил, – кивнул геранский аэроконструктор. – Правда, пришлось пойти на усиление каркаса, и это добавило веса, но отсутствие защиты и легкость самой ткани компенсировали прибавку.

– Что ж, впечатляет, – советник скрестил руки на груди и задумчиво посмотрел на аэростат, все еще смущающий его непривычностью форм. – Что ж, – сказал он через пару минут, – будет интересно посмотреть его в деле.

– Если бы вы, Эрнес, знали, как мне самому интересно, – усмехнулся Отто Майсер, вертя в руках трость. – Одно дело – обычные испытания, и совсем другое – реальные боевые вылеты. Я просто сгораю от нетерпения. – Он ткнул тростью в сторону аэростата. – Я поставил на эту машину многое, и она просто обязана оправдать мое доверие.

Капитан покосился на инженера, в глазах которого плескался фанатичный огонь собственной правоты, и кивнул, соглашаясь:

– Думаю, оправдает, господин Майсер.

– Должна, просто обязана! – Отто словно не слышал своего спутника, устремив взгляд на парящий в ангаре аппарат.

Едва Эрнес повернулся, чтобы спуститься по шаткой металлической лестнице, ведущей вниз, инженер остановил его вопросом:

– Сборку остальных начали?

– Да.

– Хорошо, – Майсер удовлетворенно кивнул и, облокотившись на металлические поручни, идущие по периметру площадки, вновь принялся наблюдать за суетящимися вокруг аэростата рабочими.

Роханцев провел его по зданию комендатуры, где, помимо нее, размещались казармы гарнизона и столовая. Узнав, что лейтенант не ел со вчерашнего дня, Роханцев быстро перебрислся парой слов с дородной пожилой женщиной, что заведовала столовой, и вскоре перед землянином стояла полная чашка аппетитно пахнущей каши. Пока Сергей насыщался, комендант отвел повариху в сторону и что-то ей долго объяснял, изредка косясь на новоприбывшего. Землянин быстро расправился с кашей, оказавшейся на редкость вкусной, после чего комендант повел его дальше.

Они вышли на улицу и, пройдя через двор, поднялись по выщербленным бетонным ступеням на стену крепости. Хотя стеной такое сооружение называть не стоило, скорее уж это был ряд бункеров и оборонительных сооружений, извилистой линией протянувшихся вдоль всего гребня холма. Бухта, да и сам порт были перед ними как на ладони, так что Сергей сразу понял, что некогда крепость представляла достаточно большую проблему для противника, попытавшегося провести свои корабли внутрь акватории. Правее и левее того места, где расположились Сергей с комендантом, виднелись пустые орудийные гнезда с торчащими из бетонного основания остатками поворотного механизма. А еще дальше возвышались угловатые махины орудийно-башенных установок, смотрящие стволами своих орудий в сторону акватории.

– Трехсотдвадцатипятимиллиметровые сдвоенные орудия Бранка могут забрасывать двухсотвосьмидесятикилограммовые снаряды почти на два десятка терров, – пояснил Роханцев, заметив изучающий взгляд Сергея, и добавил: – Такое орудие может угрожать даже линкору.

– А почему их не демонтировали, как остальные? – поинтересовался Сергей.

– Мороки много, – отмахнулся комендант. – Да и куда такие громилы приспособишь? А резать было жалко.

Постояв еще несколько минут, они спустились вниз и почти нос к носу столкнулись с Тейриной.

Девушка испуганно ойкнула и тут же вытянулась по стройке «смирно».

– Ты почему не на посту? – гаркнул Роханцев, и она испуганно вжала голову в плечи.

– Так смена, – пискнула Тейрина. – Агина уже на пост заступила.

– Неужели уже больше двенадцати? – Штат-капитан извлек из нагрудного кармана кителя часы и, бросив взгляд на циферблат, хмыкнул: – Действительно, уже половина первого. – Затем снова перевел взгляд на девушку и уже спокойным голосом поинтересовался: – А тут ты что делаешь? Иди отдыхай!

– В казарме сидеть неохота, вот и решила прогуляться, – отвела взгляд Тейрина.

– Ладно, свободна. – Роханцев обернулся к Сергею: – Пойдемте, господин лейтенант, покажу вам ваше хозяйство. Тут недалеко.

Они направились по дорожке, посыпанной гравием, что вела в противоположную от береговых укреплений сторону.

– Тер Эйтан, если вас смущает мое не совсем уставное отношение с подчиненными, то в свое оправдание хочу сказать, что гарнизон у нас маленький и я не считаю нужным вести бесконечную муштру. К тому же барышни... ну, к ним подход помягче нужен.

Сергей, шедший рядом и растерянно думавший о своем, вопросительно посмотрел на коменданта, затем покачал головой:

– Нет, господин капитан, кто я такой, чтобы тут что-то решать. К тому же из-за проклятой амнезии я о своей службе мало что помню, поэтому надеюсь на вас. Если что буду делать не так, подскажите.

– Об этом можете не беспокоиться, – улыбнулся Андре. – Впрочем, могу вас успокоить, служба у нас тут не слишком напряженная.

– А что вы думаете насчет войны? – спросил Сергей.

– Насчет какой войны? – удивился капитан.

– С Ястанией.

– Ерунда. Кто-то в столице просто перестраховывается. Ястанцы хорошую взбучку получили в последней войне и еще долго не решатся сунуться. Думаю, помаринуют мобилизованных месяц-другой да распустят по домам. Так что скоро, господин лейтенант, вернетесь к жене.

– Я не женат.

– Да? – Комендант остановился, окинул Ратного оценивающим взглядом, и на краткое мгновение его глаза уставились на что-то за спиной землянина, заставив Сергея невольно обернуться. Дорога позади была пуста, лишь ветви кустов, растущих рядом с входом в бункер, мимо которого они только что прошли, дрожали от легкого ветерка. Андре усмехнулся и, развернувшись, быстрым шагом направился дальше.

– Значит, говорите, не женаты, – бросил он через пару минут.

– Нет.

– Что ж, думаю, это ненадолго. – Он хитро посмотрел на ничего не понимающего Сергея и, рассмеявшись, пояснил: – Девки у нас в гарнизоне боевые, так что, лейтенант, держитесь. Кстати, мы пришли.

Они стояли на краю широкого ровного поля, покрытого невысокой пожухлой травой, по другую сторону которого, среди растущих там деревьев, возвышались три массивные постройки с огромными воротами. В сотне метров напротив каждого из ангаров располагались широкие бетонные платформы, соединенные с ними нитками проржавевших рельсов. По краям поля приютилось еще несколько разнообразных построек, причем большая часть их находилась в полуразрушенном состоянии, зияя пустотой оконных проемов и дырами в кровле. Лишь небольшое двухэтажное здание из белого кирпича выделялось на общем фоне запустения, бросаясь в глаза своей целостностью и ухоженностью.

– Ну что, господин аэр-лейтенант, принимайте хозяйство, – хлопнул Сергея по плечу Андре. – Бывшая база Наймарской аэрогруппы полностью в вашем распоряжении.

Дирижабль серой морщинистой тушей застыл посреди ангара, удерживаемый на месте паутиной стальных тросов, большинство из которых тянулось от гондолы к стоящей на рельсах массивной платформе.

– Ну как вам этот красавец? – поинтересовался Роханцев, подныривая под один из тросов.

Сергей неопределенно повел плечами, во все глаза рассматривая необычную машину. За все свое время работы реконструктором он всего пару раз сталкивался с подобными аппаратами, да и то вскользь. Проекты по дирижаблям вели ребята из смежных групп, а его основной специализацией были легкомоторные аппараты тяжелее воздуха. Так что данный аппарат – неизведанная диковинка. Он поднырнул под тросом вслед за Роханцевым и, запрыгнув на платформу, подошел к висящей в полуметре над ее поверхностью гондole. Обнаружив открытый в ее днище люк со свисающей оттуда лестницей, Сергей поднялся на пару ступенек и окинул взглядом довольно-таки просторную кабину.

Металлическое кресло, стоящее почти в центре гондолы. Небольшой штурвал управления, своим видом похожий на корабельный. Приборная панель с массивными датчиками непонятного назначения, какие-то рычаги и педали, торчащие из пола. Стены кабины изнутри обшарпаны, с них свисает прогнившая обшивка, а многие тросы, тянущиеся от рычагов и педалей, покрыты слоем ржавчины. Сергей спрыгнул вниз и, отряхнув ладони, повернулся к коменданту, который внимательно наблюдал за его действиями:

– И когда на нем летали в последний раз?

– Лет пять назад, – ответил Роханцев. – Пару дней назад мы попробовали наполнить оболочку газом, но... – Он кивнул в сторону наполовину сдутого шара. – Гелий кончился, вот ждем нового подвоза.

– А зачем наполняли? – поинтересовался землянин.

– Да это все Кай, – отмахнулся капитан. – Он уже год пытается поднять его в воздух, все запасы гелия извел. Парень просто бредит небом. Пытался поступить в аэронавты, но не взяли. Он ведь в детстве ногу повредил, и она у него немного не так срослась, так что комиссия забрала. Да и куда ему, он без костыля ходит-то с трудом.

– Как же его на службу взяли? – удивился Сергей.

– Да не брали его, – поморщился Роханцев. – Местный он. К тому же механик на все руки, помогает мне содержать здесь все в порядке – хозяйство-то большое. А это так, баловство. По сути, этот аэростат он сам и собрал из остатков нескольких.

– В одиночку? – Сергей бросил взгляд на дирижабль, затем недоверчиво посмотрел на капитана.

– Нет, конечно, – ухмыльнулся тот. – Ему отец людей прислал. Его отец – не последний человек в городе. Впрочем, если Кай захочет, сам расскажет. Кстати, а где же он? – Капитан принялся вертеть головой. – Кай! Кай! Где тебя нечисть носит?! – крикнул он, продолжая озираться.

– Здесь я! – раздалось откуда-то с улицы.

Кай оказался молодым двадцатилетним парнем с густой копной взъерошенных рыже-желтых волос и чумазым лицом. Одетый в синий заляпанный пятнами комбинезон, он стоял у входа в ангар, опираясь на деревянный костыль и с любопытством разглядывая незнакомого человека.

– Неужели аэрогруппу восстановят?! – воскликнул механик, едва Роханцев представил ему Сергея.

– Нет, – покачал головой капитан. – Лейтенант направлен к нам после контузии, которая вызвала частичную амнезию, в связи с чем он больше не может управлять аэростатами.

– Это как? – удивился Кай.

– Я почти ничего не помню, – улыбнулся Сергей. – И...

– Так, – неожиданно перебил его комендант, доставая из кармана часы и глядя на них. – Извините меня, аэр-лейтенант, дела. Кай покажет вам, где разместиться, и все объяснит. Устраивайтесь, а к вечеру жду у себя. Честь имею. – Он вскинул руку ко лбу, но, видимо, вспомнив, что на голове ничего нет, просто махнул рукой на прощание и удалился быстрым шагом.

– А я уж надеялся... – расстроено вздохнул механик, провожая взглядом капитана. Бросив косой взгляд на Сергея, он развернулся и заковылял в сторону соседнего ангара.

– Э-э... Кай! Ты куда? – растерянно спросил землянин.

– К себе, – буркнул Кай. – Дела у меня.

Сергей нахмурился. Слова парня содержали неприкрытую издевку, и новоприбывший не понимал причины столь резкой неприязни.

– Капитан приказал...

– Капитан ничего мне не может приказать! – ответил Кай резко. – Если вы не заметили, господин лейтенант, то я человек не военный.

– Если ты не военный, то и делать тебе тут нечего, – бросил Сергей. – Тем более что комендант назначил меня ответственным за этот участок крепости.

Кай остановился и, медленно повернувшись к идущему следом Сергею, окатил того ненавидящим взглядом.

– Вы не посмеете... мой отец... он вас... – прошипел юноша в ярости.

Сергей вздохнул. Похоже, все сложно. Паренек несколько заигрался. Скорее всего, папочка этого Кая действительно серьезная шишка, раз сынок делает на военном объекте все, что его душе заблагорассудится. А Роханцев каков, решил его, Сергея, подставить! Сам-то явно не решается идти на конфликт.

– Вот что, молодой. – Сергей подошел ближе к Каю и, чеканя слова, произнес, смотря ему прямо в глаза: – Это ты не понимаешь. У нас война на пороге, а это военный объект специального назначения, что значит лишь одно – гражданским здесь делать нечего. И твой отец не вправе решать, кого пускать на военный объект. Так что если будешь хамить или путаться под ногами, то можешь сразу топать отсюда на все четыре стороны.

Во взгляде Кая промелькнул неприкрытый испуг, его плечи неожиданно поникли, и через мгновение вместо наглого самоуверенного богатенького папенькиного сынка перед землянином стоял растерянный чумазый паренек. Сергею даже стало его жалко.

– Простите меня, господин лейтенант, – произнес он смущенно. – Только не прогоняйте. Этот аэростат для меня все. Когда я работаю над ним, забываю обо всем. Я мечтал полететь и вот почти его доделал... – юноша шмыгнул носом.

Сергей бросил взгляд на Кая и тяжело вздохнул, мысленно чертыхнувшись. По парню сразу видно, что он просто с ума сходит по всем этим дирижаблям, и его неожиданная агрессивность явно связана с боязнью потерять доступ к этой полузаброшенной базе. Видимо, он уже давно считал ее практически своей собственностью, и тот факт, что комендант передал базу под ответственность Сергея, стал для него настоящим шоком.

– Кай, – сказал Сергей примирительным тоном. – Этот аэростат не сможет полететь. Насколько я заметил, у него даже двигателей нет.

– Есть! – парень встрепенулся. – Пойдемте, покажу. Обещаю, вы будете удивлены.

Они прошли в соседний ангар, и Сергей замер, так как ему в нос ударил до боли знакомый запах бензина. В отличие от предыдущего, этот ангар был практически пуст, если не считать кучи какого-то железа, сваленного у одной из стен, да нескольких огромных катушек с тросами различного диаметра, стоявших прямо у входа. Рядом с одной из них Сергей с удив-

лением заметил нечто похожее на велосипед, на раме которого был закреплен небольшой двигатель внутреннего сгорания. Он подошел ближе и, опустившись на корточки рядом с мопедом, несколько мгновений рассматривал его мотор, затем обернулся к Каю.

– Это... – он запнулся, не зная, как сказать, и мысленно проклиная свой все еще недостаточный словарный запас.

– Бегунок Спайковского, – помог стоящий позади юноша. – Завод моего отца выпустил эти мотовелики небольшой партией, но спрос был небольшим.

– Это изобретение твоего отца?

– Нет, – мотнул головой Кай. – Отец их производил, а изобрел...

Оказалось, что отец Кая – владелец небольшого заводика, выпускающего грузовые паромобили. Перед самой войной к нему обратился никому не известный изобретатель Ланген тер Маслоун и предложил наладить производство автомобилей с новым двигателем. Отец Кая с интересом отнесся к этому изобретению, но, к сожалению, двигатель не оправдал надежд, оказавшись маломощным и ненадежным в работе. К тому же для него требовался бензин, который хоть и производился неподалеку, но в малых масштабах, так как до этого находил применение лишь как антисептическое средство да в качестве топлива для переносных ламп. И все же отцу Кая было жалко сразу отказываться от нового двигателя, так как он чувствовал в нем немалый потенциал. Ланген остался при заводе и продолжал свои исследования, а на базе его первого двигателя начали выпускать мотовелики. Надо сказать, что последние особым спросом не пользовались и в первую очередь по причине трудностей с топливом. А потом началась война и стало не до экспериментов. Завод бросил все силы на выполнение военных заказов, и о двигателе Маслоуна забыли.

– Я их нашел на складе. – Кай остановился рядом с длинным столом, установленным в глубине ангара и накрытым потертым брезентом. – Прежде чем господин Ланген ушел от отца, он работал над этим...

Юноша одним резким движением сбросил ткань на пол.

Глава 5

После той первой приснопамятной встречи Сергей довольно быстро нашел общий язык с Каем и о конфликте даже не вспоминал. Юноша подчинялся беспрекословно, к тому же действительно оказался мастером на все руки, а его увлечение небом не знало границ. Сергей и сам не заметил, как пообещал пареньку помочь с ремонтом дирижабля и вместе поднять эту старую машину в воздух. Впрочем, с последним обещанием могли возникнуть определенные сложности, так как он никогда в жизни не летал на подобных аппаратах.

И тем не менее уже три недели он вместе с Каем работал над восстановлением дирижабля, меняя пришедшие в негодность тросы управления, демонтируя остатки старых двигателей, латая гондолу и подготавливая пилоны для установки новых.

Роханцев сперва выразил недовольство желанием Сергея продолжить работу над восстановлением дирижабля, считая это бесполезной тратой времени и средств. И все же Ратный смог его переубедить, заявив, что он, как начальник базы, просто обязан держать единственную имеющуюся в его распоряжении машину в боеспособном состоянии. Этот аргумент заставил коменданта задуматься и в конце концов, махнув рукой, согласиться. Мало того, Роханцев выделил им в помощь двух девушек из состава гарнизона, но потребовал, чтобы те привлекались к работе с аэростатом только в свободное от нарядов время.

– Не хочу, чтобы они совсем от рук отбились, – пояснил он землянину. – И так не служба, а сплошной курорт, хоть в дежурства их гоняю.

С тех пор так и повелось. Сергей с Каем целый день возились в ангаре, а к вечеру к ним присоединялись Тейрина с Яданой. В основном девушки работали на подхвате: подай, принеси, найди, сбегай до коменданта, выклянчи краски для гондолы. И если Тейрина помогала мужчинам с явным желанием, то Ягдана делала это с плохо скрываемым неудовольствием. Наконец, Сергею просто надоело видеть ее вечно недовольное личико, и он попросил капитана присылать одну лишь Тейрину, тем более что работы для девушек было не так уж и много.

Надо сказать, что за три недели своего пребывания в крепости Сергей так больше ни с кем из ее обитателей и не сошелся. Все девушки, за исключением Тейрины, встретили нового лейтенанта довольно холодно, и даже комендант не мог сказать, в чем тут дело. Впрочем, самого Сергея это не особо напрягало. С гарнизонными служащими он виделся только на утреннем разводе да в столовой, а остальное время пропадал в ангарах вместе с Каем и Тейриной. Порой по вечерам к их дружной троице присоединялся Роханцев, дожидаясь окончания их работы, чтобы потом сыграть пару партий в домно.

Сергей так и не смог до конца понять сути этой игры, являющейся странным гибридом между картами и домино, поэтому играл больше за компанию, обычно вылетая в первой партии. Как ни удивительно, но основные игровые баталии разворачивались между Роханцевым и Тейриной, причем комендант чаще всего проигрывал. Данный факт расстраивал и злил капитана, который считал себя докой по части данной игры и упорно не хотел признавать превосходство над собой какой-то «юной пигалицы». В результате девушка стала частенько бывать в нарядах, но с неизменным упорством продолжала оставлять своего начальника в дураках. Сергей с Каем, глядя на развернувшееся противостояние, только посмеивались, гадая, какой следующий наряд получит Тейрина, выигравшая у капитана в очередной раз.

Жил Сергей недалеко от ангаров в белом двухэтажном здании, замеченном им еще во время первого посещения базы. Некогда в нем размещалось что-то типа клуба офицеров, но, после того как Наймарскую аэрогруппу расформировали, его постигла участь остальных построек базы, которые медленно разрушались по соседству. Пару месяцев назад Роханцев задумал сделать там что-то вроде небольшой гарнизонной часовни, и здание отремонтировали,

но, к большому разочарованию капитана, местный священнослужитель почему-то наотрез отказался ее освящать, и до приезда Сергея здание оставалось бесхозным.

Весь первый этаж бывшего клуба занимал один большой зал, некогда считавшийся комнатой отдыха летного состава, а ныне превращенный в склад и заваленный оставшимися после ремонта строительными материалами. А вот на втором этаже находилось несколько небольших комнат, одну из которых и облюбовал Сергей.

Кровать, стол, шкаф и пару тумбочек пришлось везти из казармы, но это не вызвало больших проблем, благо у Роханцева под рукой имелся небольшой грузовичок. Помимо этого, пришлось засучить рукава и заняться уборкой, но зато уже к вечеру следующего дня новое жилище Сергея приняло вполне обитаемый вид.

Постепенно, день за днем, Сергей втягивался в неспешный ритм жизни крепостного гарнизона с его редкими построениями, патрулированием окрестностей порта и тренировочными стрельбами на небольшом полигоне у стен крепости. И если в патруль Роханцев пару раз его все же отправлял, то на построении он стоял рядом с ним, а не шлепал сапогами по плацу, чеканя шаг. Но чаще всего приходилось бывать на стрельбище. Капитана напрягало неумение Сергея обращаться с оружием, а от одного только взгляда на результаты стрельбы землянина лихие усы коменданта Наймарской крепости грустно провисали вниз. К тому же возникла проблема с движками, которые Кай хотел установить на дирижабль. По сути, они представляли собой обычные рядные четырехцилиндровые двигатели жидкостного охлаждения, и, по прикидкам Сергея, их мощность вряд ли превышала сто лошадиных сил. При попытке пробного пуска один из них заклинило примерно после получаса работы, а второй упорно не хотел заводиться, постоянно «чихая», и заглух уже через минуту после запуска.

Неудачи повергли Кая в полное отчаяние, и он пару дней не появлялся на базе. За это время Сергей раскидал двигатели, обнаружив, что в том, который заклинило, погнуло шатуны, и причиной для этого послужила их не очень хорошая закалка. Увы, с этой поломкой он поделаться ничего не мог. Оставалось либо разобрать движок на запчасти, либо отвезти обратно на завод. А вот проблема со вторым разрешилась простой заменой маслонасоса на аналогичный, снятый с заклинившего собрата. Так что, когда Кай вернулся, Сергей отвел его в ангар и показал изумленному юноше работающий двигатель, заставив того воспрянуть духом.

И все же они лишились одного движка. Кай с капитаном отвезли его обратно на завод, но в связи с отсутствием нужных деталей ремонт грозил затянуться, тем более что повреждения оказались намного серьезнее, чем предполагалось. Помимо поршней, надо было менять коленвал, да и в самом корпусе двигателя обнаружилась не замеченная Сергеем трещина.

В результате, обмозговав сложившуюся ситуацию, решили ставить один двигатель, закрепив его позади гондолы. Пришлось повозиться с крепежами и установкой, но к концу третьей недели их совместного труда аэростат наконец-то был готов к испытательному полету.

Однако почти сразу возникли трудности.

Раньше для запуска и посадки аэростата использовались специальные платформы, чьи бетонные остовы до сих пор виднелись напротив каждого ангара. Некогда на них располагались причальные механизмы, которые притягивали дирижабль к земле, после чего гондолу аэростата закрепляли на специальной тележке и откатывали летательный аппарат в ангар. Тележка сохранилась, правда, электродвигатели, приводящие ее в движение, были демонтированы, впрочем, как и причальные лебедки на платформах.

Пришлось просить у Роханцева грузовик, и с его помощью вытягивать тележку с аэростатом из ангара. И даже с паромобилем это удалось им сделать с большим трудом. Оси телеги покрывал порядочный слой ржавчины, и колеса не столько вращались, сколько скользили по рельсам. Провозились почти до вечера, так что полет отложили на следующее утро, хотя Кай просто сгорал от нетерпения и остался спать в гондоле, заявив, что аэростат нужно охранять.

Никто спорить с ним не стал, так как все знали упертость парня в некоторых вопросах. День выдался суетным, и даже вечно бойкая Тейрина к вечеру выглядела осунувшейся и усталой.

И все же, когда Сергей приплелся к себе в комнату и обессиленно растянулся на узкой деревянной кровати, он почувствовал странное умиротворение, которое всегда ощущал после окончания очередной работы. Еще недавно он и подумать не мог, что на этой незнакомой планете будет заниматься хорошо знакомым ему делом. Конечно, дирижабли – не его стихия, при реконструкторских работах основным его направлением были легкомоторные самолеты, но тем интереснее восстанавливать этот старый аппарат, решая неизвестные ранее проблемы. Первые дни Роханцев с Каем смотрели на него саркастически, явно не веря в возможности нового лейтенанта, но постепенно их скептицизм сменился неподдельным удивлением. К счастью, ни комендант, ни Кай не стали задавать лишних вопросов, откуда, мол, обычный аэр-лейтенант так хорошо знает инженерное дело, а просто приняли данный факт как должное.

За время работы реконструктором Сергей не раз поднимал восстановленные им машины в воздух и к концу их работы над дирижаблем был уверен, что довольно легко сможет управлять этим громоздким аппаратом. Тут, конечно, имелись свои нюансы, отличавшие полет на подобном аппарате от пилотирования самолета, но Ратный был уверен, что справится с управлением.

Наверное, поэтому он не мандражировал перед полетом, а, немного поворочавшись, спокойно уснул. Впервые за долгие месяцы ему снилась Земля.

– Всем встать, поклон генерал-командующему Тозо.

Зашуршали отодвигаемые стулья, и сидевшие вокруг большого прямоугольного стола члены Генерального штаба ястанских вооруженных сил резво повскакивали со своих мест, чтобы тут же согнуться в почтительном поклоне перед вошедшим. Долговязый лысый человек в черном, отделанном золотом сюртуке быстрым шагом прошел во главу стола и, опершись руками о край столешницы, окинул собравшихся пристальным взглядом. Взор его карих глаз скользил от одного к другому, пока не замер на невысоком толстячке, облаченном в темно-синий генеральский мундир. Тот вытянулся в струнку, пожирая командующего преданным взглядом.

Тозо ухмыльнулся и кивком указал в сторону висящей на стене карты.

Генерал щелкнул каблуками и, взяв лежащую на столе длинную указку, подошел к карте.

– Вторая армия генерала Ойкуна и третья армия генерала Тайчи, – названные генералы щелкнули каблуками и, вытянувшись в струнку, склонили головы в коротком поклоне, – выдвинулись к границе с Руссарией и заняли позиции на правом берегу реки Сатры, здесь и здесь. Готовы начать форсирование по вашему приказу.

– Что руссары?

– По данным разведки, их передние рубежи обороны не претерпели изменений, однако вдоль так называемой тойгунской линии, – указка скользнула по карте, – отмечена небольшая ротация войск. Думаю, руссары не ожидают нападения, а укрепление второй линии обороны носит плановый характер. Хочу заметить, что, даже по самым пессимистическим прогнозам, на данном участке границы мы превосходим руссаров: по живой силе – в полтора раза, по танкам – в шесть раз, по артиллерии – в два раза и по аэр-составляющей – в пять раз. В связи с этим предлагаю не дожидаться развертывания первой армии генерала Сато и пятой армии генерала Кио, а перенести сроки удара на месяц вперед, пока противник не закончил переброску своих войск, так как завершение перегруппировки войск противника может кардинально изменить силовой баланс не в лучшую для нас сторону.

Генерал замолчал, а командующий несколько минут пристально смотрел на карту, постукивая пальцами по столу, затем спросил:

– Генерал Отоми, вы считаете, что этими силами мы сможем пробить оборону руссаров?

– Да, командующий, – склонил голову толстяк и тут же добавил: – Однако это повлечет некоторое изменение плана наступления.

– Говорите.

Отоми вновь повернулся к карте и принялся объяснять, активно двигая по ней указкой:

– Штаб предлагает силами второй армии нанести несколько отвлекающих ударов: один будет направлен в сторону Майдерского полуострова, второй – в сторону города-крепости Тойгуна, где находится база руссарского флота. Цель – отвлечь противника от места основного удара, который будет нанесен после окончательного развертывания первой и пятой армий. Направление главного удара – город Артанг. По донесениям разведки, в данном районе тойгунская линия обороны частично демонтирована, так как еще весной руссары взяли за ее укрепление, но закончить пока не успели. Отмечу, что удача в наступлении откроет нам прямую дорогу на Эйтан и даст возможность окружить растянутую вдоль всей линии обороны руссарскую армию генерала Антойнова.

– Прекрасно, господин генерал. – Командующий Тозо придвинул стоявший стул и опустился на него, жестом приказав остальным членам штаба последовать его примеру.

– Господа, – продолжил он. – Я только что был у императора и получил приказ начать наступление как можно скорее. До его высочества дошли слухи, что император Руссарии может начать переброску войск с западных границ на наше направление, а это поставит под угрозу наши планы наступления. Поэтому я полностью поддерживаю план генерала Отоми и приказываю не позднее послезавтрашнего утра начать форсирование Сатры.

Он обвел нахмуренным взглядом внимательно смотревших на него генералов.

– И запомните, господа. Главной целью данной операции является молниеносное наступление и взятие под контроль газовых месторождений близ города Эйтан – затяжная война нам не нужна. Наши войска должны прорвать оборону руссаров и, пройдя быстрым маршем, закрепиться на правом берегу реки Елы.

Командующий поднялся со своего места, и все остальные члены штаба последовали его примеру.

– Итак, господа, во славу императора Майо посраим наших врагов. Хато!

– Хато! – дружно поддержали старинный боевой клич собравшиеся.

– Господин лейтенант, господин лейтенант! – девичий голос вырвал Сергея из объятий сна.

Он открыл глаза и, сев на кровати, растерянно посмотрел на стоявшую в дверях Тейрину заспанным взглядом.

– Что случилось?

– Кай! Он хочет запустить аэростат.

– Твою же... – Сонливость словно рукой сняло.

Сергей вскочил с кровати и принялся обуваться.

– Нет, ну этого пацана выгоню, честное слово выгоню, причем сегодня же... – бросил он, подхватывая со спинки стула рубаху и выбегая из комнаты следом за Тейриной.

– Кай, отставить! – Сергей погрозил кулаком парню, чья голова виднелась сквозь стекла гондолы, и остановился, тяжело дыша.

– Что-то случилось? – юноша открыл дверцу гондолы и с удивлением посмотрел на землянина.

– Ты куда собрался? – спросил Сергей, переводя дух.

– Никуда, просто хотел двигатель прогнать перед полетом.

– Ясно. – Ратный усмехнулся и покосился на стоявшую неподалеку Тейрину, которая, виновато потупив взгляд, принялась носком сапога выковыривать из земли камешки.

– Значит, ждем Роханцева с девчонками и стартуем, – бросил он, подходя к платформе и взбираясь на нее.

Вчера вечером им все же удалось при помощи грузовичка доволочь тележку по рельсам до платформы, сделанной в виде большой буквы «П», и закрепить аэростат дополнительными тросами. Как вернуть дирижабль в ангар, думать пока не хотелось, хотя при безветренной погоде вполне можно было управиться имеющимися силами. Впрочем, надо было еще взлететь и сесть, а уж потом думать о том, как вернуть эту махину обратно.

Сергей вздохнул, подумав, что он точно сошел с ума, подписываясь на эту авантюру с полетом. Стоит отказать единственному двигателю, и дирижабль тут же превратится в практически неуправляемый шар, отданный на волю ветров. Имелись сомнения и в прочности старой оболочки. Если что-то пойдет не так, то надежд на спасение будет не особенно много – нет даже обычных парашютов. И тем не менее от затеи поднять аэростат в воздух Сергей даже и не думал отказываться. Работая реконструктором, он всегда с особым трепетом ждал, когда восстановленные с его помощью творения древних инженеров встанут на крыло и впервые, порой за тысячелетний период забвения, взмоют в небо. Порой он сам поднимал эти аппараты в воздух, вопреки строгим запретам инструкций и рискуя навлечь на себя гнев начальства, но все же чаще это делал специально запрограммированный киборг. По справедливому мнению институтских боссов, жизнь человека дороже любой машины, пусть и восстановленной с большим трудом. Тут же он впервые за многие годы был свободен от гнета запретов и предписаний, а это пьянило, заставляя решаться порой на самые необдуманные поступки. Целый мир лежал перед ним: новый, неизведанный, манящий. И он был его невольным первооткрывателем.

Со стороны дороги, ведущей от аэробазы к крепости, послышался глухой басовитый шум гарнизонного грузовичка, а вскоре появился и он сам, вырулив из-за растущих вдоль дороги деревьев. Подъехав ближе и выпустив клубы пара из расположенных по бокам бочкообразного носа труб, паромобиль замер напротив платформы.

– А вот и мы, – сказал Роханцев, открывая дверцу и спрыгивая вниз. – Готовы к полету?

– Всегда готовы, господин штат-капитан! – вместо Сергея ответил Кай, высовываясь из открытого окна гондолы.

– А ты уже внутри, – добродушно усмехнулся в усы комендант. – Боишься, без тебя улетят?

Кай улыбнулся в ответ и, кивнув, скрылся внутри гондолы.

– Вот непоседа. – Капитан повернулся к грузовику и, приказав сидевшим в кузове девушкам выгружаться, отвел Сергея в сторонку.

– Лейтенант, ты уверен, что этот полет так уж необходим? – спросил он тихим голосом, доставая из кармана цветастую пачку и извлекая из нее сигарету темно-зеленого цвета. Заметив удивленный взгляд Сергея, который никогда не видел, чтобы здесь кто-нибудь курил, комендант пояснил: – На фронте пристрастился, сейчас ароматы, конечно, редкость, но у меня остался небольшой запас.

– Нервничаете? – спросил Ратный, вспомнив начальника своего отдела, который тоже постоянно закуривал, когда начинал переживать по какому-либо поводу.

– Есть немного, – не стал отрицать Андре. – А ты нет?

Сергей пожал плечами. Нервничать он не нервничал, скорее уж ощущал некий бодрящий мандраж от предстоящего полета.

– Могут возникнуть проблемы с посадкой, – предупредил Андре. – Притянуть аэростат нечем.

– Скину тросы и буду садиться, стравливая гелий. Главное, подтягивайте их вовремя.

– А движок откажет?

– То же самое – стравлю газ, а там уж ищите нас...

Комендант кивнул и, закурив, выпустил в воздух струйку зеленоватого дыма.

– Отчаянный ты человек, Эйтан. – Он похлопал землянина по плечу. – Ладно, пошли готовить твою машину к полету.

Утро выдалось на редкость солнечным и теплым, хотя последние дни этим не радовали. Постоянно было прохладно, а небо частенько хмурилось, изредка проливаясь на землю мелким морозящим дождиком. Сегодня же погода явно решила порадовать воздухоплателей абсолютно чистым небом и легким теплым ветерком, что едва колыхал листья деревьев.

Море застыло безбрежным темно-синим одеялом, слегка поблескивающим в лучах солнца редкими серебристыми барашками волн. Дирижабль медленно плыл вдоль береговой линии, оглашая окрестности басовитым гулом двигателя. Прибрежные птицы в панике взмывали в воздух, бросались прочь от неведомого чудища.

Сергей не рисковал поднимать машину слишком высоко, и поэтому они «ползли» практически над землей на высоте примерно пятидесяти метров. Аэростат на удивление хорошо слушался рулей, послушно подчиняясь всем действиям своего пилота, и Сергей решил рискнуть. Он резко потянул штурвал на себя и увеличил обороты двигателя, одновременно нажав на рычаг сброса балласта, в качестве которого приспособил несколько мешков с песком.

– Бомбометание произвели, – хмыкнул он себе под нос, наблюдая в нижние иллюминаторы, размещенные на уровне его щиколоток, как мешки с всплеском исчезают в глубинах моря, оставляя на его поверхности пятна песчаной мути.

Кай, сидевший на месте стрелка, которое размещалось чуть ниже места пилота, обернулся и вопросительно посмотрел на землянина.

– Набираем высоту, – пояснил Сергей своему помощнику.

Механик растерянно кивнул и вновь прилип к иллюминаторам, глядя вниз. На его лице застыла счастливая улыбка.

Вспомнив просьбу коменданта не удаляться далеко от крепости, Сергей развернул дирижабль вправо, направив его в сторону аэробазы. Сверху территория крепости походила на огромный изломанный треугольник с кривыми катетами стен и толстым основанием линии береговой обороны, внутри которого разместились коробки строений. Взлетная площадка аэробазы светло-желтым пятном виднелась чуть сбоку, соединяясь с телом крепости серой пуповиной дороги.

Фигурки людей внизу едва различались на фоне выгоревшей травы, так что Сергею пришлось снижаться, чтобы увидеть стоявших у платформы и смотревших в их сторону девушек во главе с комендантом. Те дружно замахали руками, и он автоматически помахал им в ответ, прекрасно осознавая, что с земли этот жест будет не виден.

– Тер Эйтан, а можно, мы пролетим над заводом отца? – спросил Кай, глядя на Ратного умоляющим взглядом. – Папа не верил, что мы сможем поднять этот аэростат, вот я и хочу...

Сергей согласно кивнул. Он уже довольно неплохо чувствовал аппарат, верил в его надежность, к тому же в душе зародился просто-таки детский задор. Хотелось взмыть высоко в небо и, отключив двигатель, отдать шар на волю ветрам, чтобы те унесли его к неизведанным далям. Хотелось неспешно плыть над землей, открывая для себя все новые и новые просторы и чудеса этого мира. Хотелось странствий и приключений, как в тех книгах, что он читал в детстве.

Он тихонько вздохнул, понимая, что все это неосуществимо и реальный мир намного сложнее, чем миры детских книжек. Но иногда до слез хотелось совершать подобные безумия. Без обдумывания, без плана – просто так, поддавшись неожиданному порыву чувств.

Да, он не хотел сегодня отдаляться от базы, но пусть... пусть это будет его маленькое безумие – дань тому ребенку, что до сих пор скрывается где-то в глубинах его души.

– Что ж, покажем твоему отцу, что он был не прав. – Сергей озорно улыбнулся и крутанул штурвал.

Не спалось. Сон был какой-то тревожный и к тому же абсолютно не запомнился. Лишь какие-то смутные отрывки мелькали в мозгу, никак не складываясь в целостную картину. Страшно разболелась голова. Сергей с полчаса валялся, ворочаясь с боку на бок, а затем осторожно поднялся с лежанки и, бросив взгляд в сторону кровати, где спал оставшийся ночевать у него Кай, вышел из комнаты. Пройдя по короткому коридору, он зашел в соседнюю комнату, где обустроил себе небольшую кухню с газовой плитой, выделенной ему комендантом, и большим круглым столом, за которым Тейрина с Андре любили сойтись за очередной партией в домно.

Подойдя к окну, на широком подоконнике которого стояло небольшое ведро, наполненное свежей колодезной водой, он взял кружку и, зачерпнув, отхлебнул. Прохладная вода скользнула внутрь, прогоняя остатки липкого сна. Сергей бросил взгляд в окно, где темень ночи уже сменялась рассветным полусумраком, и решил выйти на улицу.

Вернувшись в комнату, где спал Кай, он потихоньку, стараясь сильно не скрипеть рассохшимися половицами, добрался до своих сапог. Подхватив их, вышел обратно в коридор и, обувшись, спустился вниз. Утренняя прохлада освежила голову, и боль постепенно отступила. Обойдя здание, он остановился и несколько минут смотрел в сторону темной обмякшей туши дирижабля, застывшей на посадочной платформе.

Как ни странно, но сели они без особых проблем, правда, пришлось стравить больше половины газа из баллона. Сергею удалось посадить гондолу на платформу прямо-таки с ювелирной точностью, вызвав у Тейрины бурю эмоций. Девушка запрыгала на месте и захлопала в ладоши, радуясь такому точному приземлению, чем вызвала удивленные взгляды подруг и саркастически понимающую ухмылку коменданта.

Аэростат решили оставить на платформе до следующего дня, чтобы провести еще пару полетов, пока позволяла погода, после чего оттранспортировать в гараж. Одновременно за эти дни надо было разобраться с тележкой, у которой заклинило две оси из шести, да так, что теперь даже при помощи грузовика ее невозможно было стронуть с места.

Станный фырчаще-шуршащий звук, донесшийся откуда-то сверху, заставил Сергея отвлечься от раздумий и, оторвавшись от созерцания аэростата, поднять голову. Он остолбенел. В предрассветной мгле над его головой величественно плыли дирижабли. Семь черных громадин шли огромным клином, направляясь в сторону спящего города. А чуть ниже них летела пара маленьких аэростатов, практически теряясь на фоне своих гигантских собратьев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.